

Марина КРАМЕР



ПРИВИЛЕГИЯ
ЖЕНЩИН

КРИМИНАЛЬНАЯ
Мелодрама

История сильной женщины

Марина Крамер

Привилегия женщин (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Крамер М.

Привилегия женщин (сборник) / М. Крамер — «Эксмо»,
2013 — (История сильной женщины)

Тяжело жить с мужчиной и знать, что он карточный шулер, аферист и ужасный человек – все это оказалось слишком для Мэри. Но и уйти от властного и жесткого Константина она не в состоянии, просто так ревнивый супруг ее не отпустит. А теперь вместе со старшим братом Артуром Костя собирается привлечь и Мэри к преступному бизнесу. На кону стоит заоблачная сумма денег. Ставки высоки, и, если шулеров поймают, им грозят нешуточные неприятности. В хитроумной афере братьев Кавалерьянц Мэри предстоит сыграть ведущую роль, отвлекая приглашенных для партии в покер гостей от истинных намерений своего мужа... В сборник, который вы держите в руках, вошли лучшие рассказы Марины Крамер.

© Крамер М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Двадцать минут счастья | 5 |
| За неделю до свадьбы | 16 |
| Эпилог | 28 |
| Румба | 29 |
| Эпилог | 42 |
| Шрам | 43 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 48 |

Марина Крамер

Привилегия женщин (сборник)

Двадцать минут счастья

«Я не различаю красного. Зеленый, коричневый, желтый – любой другой цвет я вижу, а вот красный – нет. Это не аномалия, не особенность моего зрения. Доктор говорит, что это психологическая защита, позволившая мне в свое время не сойти с ума.

Когда пять лет назад красные пятна расплылись по белому платью – вот именно в тот самый миг я вдруг перестала различать этот цвет. Вокруг все истошно орали, сустились, бегали, а я спокойно сидела прямо на крыльце Дворца бракосочетаний и держала на коленях голову моего мужа. Моего Игоря...

Я не послушалась тех, кто говорил, что нельзя выходить замуж в мае, – какие предрасудки, думала я, когда мы так счастливы, так любим друг друга и собираемся прожить вместе всю жизнь! Разве имеет значение, когда именно поставить штамп в паспорт? Тем более что май – мой любимый месяц, я всегда с нетерпением ждала его наступления, любила гулять по городу и замечать, как день ото дня он сменяет свой унылый зимний облик на свежее и радостное весеннее великолепие. Да и выдался май в этом году теплым, ясным и праздничным, как будто специально для нас, влюбленных и немного ненормальных от счастья... Вместе с красным цветом я перестала любить и месяц май.

Я не могла понять: ну что они все паникуют и верещат, когда и так все очевидно – Игорь мертв. И вот эти пятна, цвета которых я не вижу почему-то, не что иное, как его кровь. Кровь из совсем небольшого отверстия в белом пиджаке, прямо под пуговицей из мелких розовых розочек...

Вот так – утром я проснулась счастливой невестой, а в час дня уже стала вдовой, так и не успев толком побыть женой. Хотя нет – я была женой целых двадцать минут, пока мы обменивались кольцами, танцевали вальс, принимали поздравления и фотографировались... Двадцать минут – и кольцо с правой руки можно передевать на левую. Мне двадцать шесть лет – и я вдова. Все. А вокруг по-прежнему бессовестно благоухает свежей зеленью и ярким солнцем проклятый май...

Потом было много еще всякого – и допросы у следователя, и оглашение завещания, по которому мне досталась квартира в центре, загородный дом, две машины... Мне ничего не было нужно, ничего – только бы Игорь был жив.

Проклятый май – ненавижу тебя...»

– Я не могу понять... – Кирилл Валько обхватил руками голову и издал подобие звериного рыка. – Что происходит вообще? Мы работаем – а прибыли настолько мизерны, что я чувствую себя лохом!

Главный бухгалтер фирмы по производству пластиковых окон Наталья Мезенцева равнодушно взидала на метания шефа. В большей степени ее интересовало, останется ли на безупречном брючном костюме темно-синего цвета пятно от энергетического напитка, выплеснувшегося из стакана в тот момент, когда Валько шарахнул по столу кулаками. Худощавая, спортивного вида блондинка с длинными прямыми волосами и прозрачными серыми глазами, Наталья была безупречна во всем, что касалось работы. Кирилл все еще надеялся затащить ее в постель, а потому готов был смотреть сквозь пальцы на некоторые мелочи и просчеты в работе. Но Мезенцева не давала даже повода усомниться в своем профессионализме.

Однако в фирме определенно что-то происходило. Количество заказов ощутимо уменьшилось, а расход материалов, как и объем их закупок у поставщика в Германии, неуклонно возрастал. По документам выходило, что все в порядке – но где деньги-то? Где чистая прибыль?

– Наташа, может, ты скрываешь что-то? – жалобно протянул Кирилл, но бухгалтер смерила его ледяным взглядом:

– Кирилл Сергеевич, я не давала повода для фамильярности. Как не давала и повода усомниться в моей честности.

Кирилл немного присмирел. Эта девица появилась в его фирме два года тому назад и как-то исподволь вдруг возымела над ним такую власть, что Кирилл порой сам себя не узнавал. Наталья не переходила грань, не одобряла шуток в свой адрес, не позволяла никому сойтись с ней поближе, никогда не обедала в офисе с другими сотрудниками, ни разу за два года не приняла участия ни в одной совместной попойке. На ухаживания неженатого шефа не реагировала, чем приводила его почти в бешенство. Кирилл Валько считался завидным женихом, был избран женским вниманием, и такое пренебрежение и какое-то нарочитое равнодушие задевали его самолюбие. В душе он дал себе слово непременно добиться благосклонности Натальи.

Он ухаживал широко, с размахом, однако все его попытки оканчивались ничем. Наталья равнодушно совала букеты орхидей в банку из-под сока, приглашения в рестораны, клубы и заграничные туры отвергала сразу и решительно, а кольцо из белого золота, преподнесенное ей Кириллом в День святого Валентина, немедленно вернула, посоветовав вложить деньги во что-то более перспективное.

Валько злился все сильнее. Его бесило это равнодушие, за которым – он чувствовал – на самом деле стояло желание не иметь с ним ничего общего. Как известно, препятствия только усиливают азарт, и Кирилл не собирался капитулировать. Но и Мезенцева не шла на уступки, не меняла линии поведения, была всегда ровной, холодно-улыбчивой и отстраненной. Даже секретарша Валько, Настенька, уже была на стороне шефа и однажды решилась поговорить с неприступной бухгалтершей.

Улучив момент, когда Наталья осталась в своем кабинете одна, Настенька юркой мышкой забежала в бухгалтерию и закрыла дверь изнутри на ключ. Мезенцева удивленно сдвинула на лоб модные очки и чуть приподняла левую бровь.

– Что за шпионские страсти? За тобой кто-то гонится?

– Нет. Наталья Андреевна, давайте по-честному – вам на самом деле совершенно все равно? – спросила девушка, аккуратно устрояясь на краю стола Мезенцевой, так как все стулья были завалены папками, отчетами и просто кипами каких-то бумаг.

Наталья сняла очки и прикусила дужку зубами, глядя на секретаршу с неким подобием интереса:

– Слушай, Настасья... А тебе не приходило в голову, что такая молоденькая девушка, как ты, имеющая к тому же неплохое образование, может заниматься чем-то еще, кроме как подношением кофе и беготней по поручениям Кирилла?

Настенька даже опешила:

– А что такого в моей работе?

– В работе? – удивленно протянула Мезенцева, по-прежнему не выпуская дужку очков изо рта. – Ты всерьез считаешь это работой?

– Речь не обо мне. Я пришла поговорить о вашем отношении к Кириллу Сергеевичу.

– О, так ты еще и интимные поручения своего патрона исполняешь! – ехидно протянула бухгалтер, и Настенька вспыхнула:

– Он ничего об этом не знает! – Она вздернула подбородок. – Я пришла к вам сама, потому что не могу видеть, как он страдает.

– Как пафосно! Так пусть уймется – и все проблемы решены, – усмехнулась Наталья, возвращая очки на место и теряя интерес к разговору.

Она демонстративно повернула к себе монитор компьютера и погрузилась в изучение каких-то документов, потом взглянула на сидевшую на краешке стола Настеньку почти с неприязнью:

– Послушай, дорогая! Мой стол – это не стол твоего обожаемого Кирилла, поэтому, будь так добра, очисти его, ладно? Меня твои прелести совершенно не интересуют, я работаю, видишь ли.

– Наталья Андреевна, а ведь вы совсем не такая, какой хотите казаться! – выпалила вдруг секретарша, слезая со стола и делая пару шагов к подоконнику.

– Н-да? Очень интересно, – пробормотала Мезенцева, не отрываясь от чтения документа.

– Да, интересно! Я, например, знаю, что у вас дома кошка есть, вы даже на мониторе заставкой ее фотографию держите.

– И что?

– Человек, которого дома ждет любимец, не может быть жестоким.

– Наивная ты еще и молодая, Настасья. И весна на тебя действует разлагающе. А люди намного хуже, чем ты о них думаешь.

Мезенцева подперла кулаком щеку и задумчиво уставилась холодными глазами в лицо девушки. Настя немного растерялась, но сдаваться не хотела:

– Вам почему-то выгодно держать Кирилла в постоянном напряжении.

– Слушай, деточка, а тебе не кажется, что ты перечитала дамских детективов? – насмешливо поинтересовалась Наталья, и Настя чуть покраснела – она и в самом деле очень любила читать детективные истории, и в ее сумочке непременно лежала книжка удобного формата. – Что мне может быть нужно от Валько? Если неземной страсти и замужества – так он как раз это мне и предлагает в той или иной форме раз или два в неделю. Но, как видишь, мы по-прежнему не женаты.

С этим Настя была полностью согласна. В самом деле, если иметь в виду возможные матримониальные притязания, то ситуация складывалась как раз в их пользу, и Наталье даже не нужно было прилагать каких-то дополнительных усилий, дабы заинтересовать Кирилла своей персоной. Деньги? Мезенцева в них явно не нуждалась – одевалась дорого, хоть и неброско совсем, машину имела хорошую и квартиру в престижном районе. Материальные мотивы, таким образом, отпадали. И все же у Насти осталось стойкое ощущение недосказанности, какой-то недоговоренности. Она вышла из кабинета Натальи скорее с кучей новых вопросов, чем с ответами на те, что мучили ее раньше.

Настя Воробьева не была блондинкой в том смысле, какой обычно вкладывают в это слово. Природный цвет волос никак не подтверждал существующую теорию о врожденной глупости его владелиц. Настенька окончила школу с золотой медалью и педагогический университет с красным дипломом, однако работа в школе ее не прельщала. Но и поисками богатого супруга девушка тоже не озадачивалась. У нее была тайная мечта – написать хороший «крутой» детектив. С фантазией все было в порядке, но хотелось, чтобы была какая-то реальная тайна, что-то такое... жизненное...

Настина мама очень переживала, узнав, что дочь устроилась секретарем. В их семье подобная профессия для девушки считалась неподходящей, более того – почти аморальной. Но Настя всегда отличалась упрямством и настояла-таки на своем.

Отношения с шефом установились прохладно-деловые. Валько ценил умение Насти быть незаменимой, незаметной, аккуратной и выполнять поручения в срок. Кроме того, Настя обладала хорошей памятью и могла точно сказать, в какой день заходил тот или иной посетитель, на какой полке стоит папка с договорами или на какое время у Кирилла назначен визит, например, к стоматологу. Знала она и привычки и вкусы Валько, а также тонко улавливала его настроение и могла предостеречь сотрудников фирмы от нежелательных визитов «под горячую руку» шефа.

Веселую, приветливую секретаршу любили все. Все – кроме Натальи Мезенцевой. Она не выказывала к девушке открытой неприязни, однако и дружелюбия не проявляла, что, впрочем, никого из сотрудников не удивляло. В фирме никто не мог сказать, что кому-то лично Наталья выразила симпатию или просто сказала доброе слово. Нет, Мезенцева не была ни склочной, ни хабалисткой, наоборот – всегда ровной, в меру улыбчивой, спокойной, но за всем этим проскальзывало нечто неестественное.

– Снежная королева, – сострил однажды по этому поводу начальник отдела рекламы Костя Нагайцев. – Такая вся безупречная, такая непогрешимая – и такая холодная! Мне в бухгалтерию всегда в шубе хочется войти.

Нагайцев был признанным балагуром и остряком, заводилой и душой всех корпоративных вечеринок. Невысокого роста, худенький, светловолосый, он всегда был в центре внимания и пользовался успехом у девушек, хотя внешность его была очень далека от общепринятых стандартов «мачо». Костик успешно компенсировал этот недостаток общей начитанностью, остроумием и жизнерадостностью. Вокруг него во время перерывов всегда собиралась толпа и с неприкрытым удовольствием внимала его шуткам. Разговор происходил в курилке во время обеда, все расслабленно отдыхали после трапезы и сплетничали. Подобные вещи происходили ежедневно, ничего удивительного в них не было, но вот сегодня – нужно же было так случиться, чтобы именно в этот самый момент мимо открытой двери проходила Мезенцева! Естественно, последняя фраза достигла ее ушей. Наталья задержалась лишь на мгновение, смерила обалдевшего и покрывшегося румянцем Костика холодным взглядом и ушла, так и не произнеся ни слова. Но у Нагайцева моментально испортилось настроение. Мезенцеву почему-то считали мстительной и опасной, хотя никаких поводов так думать о себе Наталья не давала. Но разговоры о том, что шеф буквально помешан на этой «ледышке», позволяли сотрудникам в чем-то ее подозревать.

В своем кабинете Наталья привычным жестом включила компьютер, на заставке которого стояла фотография рыжего пушистого котенка, почти машинально щелкнула по папке «Мои документы» и вдруг задумалась, устремив невидящий взгляд серых глаз куда-то поверх монитора. В этот момент она вдруг стала совершенно другой – мягкой, романтической и... абсолютно беззащитной.

«Снежная королева, надо же...»

В дверь постучали, и Мезенцева вернулась из своих раздумий, став снова собой – холодной и безупречной.

– Войдите.

– Извините, Наталья Андреевна, можно? – В дверях показалась голова Костика Нагайцева, и Наталья чуть заметно поморщилась – она поняла причину визита.

– Что вы хотели, Константин Михайлович? – равнодушным ровным тоном произнесла она.

Нагайцев осторожно присел на краешек стула и забормотал какие-то извинения, но Наталья его прервала:

– Константин Михайлович, если вы пришли по делу, так излагайте, если же нет – то не отвлекайте меня, я проверяю счет-фактуру. Что касается ваших слов, то мне абсолютно безразлично, кем вы считаете меня и в каком виде хотите заходить в мой кабинет. Если вам зябко – можете носить тулуп, я не в претензии. А сейчас, если у вас больше ничего ко мне нет, потрудитесь освободить кабинет.

Высказавшись, Мезенцева демонстративно нацепила очки и защелкала клавишами. Костик посидел еще пару минут и вышел, неслышно закрыв дверь.

Настя уходила из офиса последней – так было заведено. Она обходила все кабинеты, проверяла, везде ли выключены техника и свет, закрывала двери и сдавала офис на пульт охраны.

Проверив все, девушка прошла за свою конторку, собираясь позвонить в охранную фирму, и рядом со стоявшим на столе цветочным горшком вдруг увидела связку ключей. Обычную связку ключей на брелоке в виде мягкой белой собачки.

– Надо же, Наталья Андреевна расслабилась и забыла ключи от квартиры, – пробормотала девушка, вспомнив, как перед уходом Мезенцева задержалась возле ее стола и что-то искала в сумке, раздраженно бормоча себе под нос.

И вдруг Настю осенило... В ящике стола лежала коробка цветного пластилина – девушка купила его для племянницы, но так до сих пор и не удосужилась заехать к брату в гости. Дрожащими руками Настя поочередно приложила все ключи из связки к цветным брусочкам. Убрав пластилин, секретарша взялась за телефонную трубку.

В пустом коридоре раздались быстрые шаги. Настя выглянула из приемной, хотя не сомневалась, что увидит именно Мезенцеву, вернувшуюся за ключами. Бухгалтер стремительно приближалась, и Настя, постаравшись сделать как можно более равнодушное лицо, вставила ключ в дверь кабинета Валько.

– Ты еще здесь? – раздалось за спиной, и Настю окутал аромат духов Натальи. Та решительно двинулась к конторке, словно знала, где именно забыла свои ключи.

– Да, задержалась. Хотела проверить еще раз список посетителей на завтра, – соврала Настя, не глядя в лицо Мезенцевой. – А вы почему вернулись?

– Ключи забыла на столе, – спокойно пояснила Наталья, демонстрируя связку, висевшую на ее пальце.

– А-а... – протянула Настя, стараясь выглядеть незаинтересованной. – Бывает...

– Да, бывает. До свидания, Настя.

– До свидания...

Когда шаги Натальи стихли, Настя с облегчением вздохнула и, закрыв приемную, пошла вниз.

Всю дорогу домой она обдумывала – что теперь делать со слепками ключей и зачем вообще они ей понадобились?

«Не собираюсь же я взламывать квартиру Мезенцевой, да и для чего мне это? Хотя... Странная она какая-то... Вечно одна, никого к себе не зовет и сама никуда не ходит...» – размышляла Настя, трясаясь в пустом троллейбусе. Поведение Натальи с первого дня ее появления в фирме вызвало у девушки множество вопросов, а еще больше ее интересовало – почему Мезенцева никак не реагирует на ухаживания Валько? В этом было что-то неправильное – Кирилл привлекателен внешне, интересен, остроумен, обеспечен и, главное, холост, так что видимых причин для отказа такому мужчине Настя не находила. Разумеется, он мог не привлекать Мезенцеву просто как мужчину, но тогда какого же черта ей нужно? Решение во что бы то ни стало раскрыть тайну придало Насте смелости. В конце концов, она ведь мечтала написать детектив, а тут сама судьба подсунула ей такой шанс! Не использовать его просто невозможно...

Утром в субботу Настя, наскоро позавтракав, оделась и вышла из дома. «Ну, ты смотри-ка – такой день чудесный, а я какой-то ерундой занимаюсь!» – подумала она, невольно жмурясь от яркого майского солнца. Весна уже вовсю заявила о своих правах на город, деревья укутались клейкой зеленой дымкой, на газонах раскинулись мягкие коврики свежей травы. Соскучившийся по солнцу город выглядел нарядным и праздничным, да и люди, словно очнувшиеся от зимней летаргии, казались более улыбочивыми и приветливыми. Настя вздохнула, пожалев, что вышла из дома в плаще, но возвращаться не стала.

Заказать ключи можно было на любом городском рынке, однако она решила сделать это как можно дальше от дома. Настя надеялась также, что за определенную сумму мастер не задаст лишних вопросов о том, откуда у нее слепки ключей и зачем они ей понадобились.

Так и вышло. Она приехала в отдаленный район, еле нашла гараж с номером, обозначенным на облупившейся фанерке перед въездом в гаражный массив, и его владельца, молодого парня лет двадцати трех. Внешний вид мастера показался Насте более чем странным – какая-то грязная кожаная куртка, разодранные на коленях джинсы, пирсинг в губе, носу и по всей дуге правого уха. В довершение всего парень говорил противным фальцетом, что тоже не способствовало дружескому общению. Настя протянула ему три брусочка пластилина с отпечатками ключей. Мастер взял их и подозрительно покосился на приличную с виду девушку:

– Чё, хату вскрывать наладилась?

– Почему это вскрывать?

– Слышь чё, лялька, ты, это... если чё противоправное, так я – пас. Как говорил папаша Бендер – я чту Уголовный кодекс.

«Надо же – выглядит как гот, а разговаривает, как заправский уголовник», – удивленно отметила про себя девушка, стараясь запомнить манеру поведения и колоритную внешность собеседника – вдруг пригодится для будущей книги.

– Так чё молчишь-то? Раздумала, что ли? – подстегнул ее парень.

– Хорошо... сколько? – сдалась Настя, открывая сумочку.

– Сто, – ухмыльнулся мастер.

– Рублей? – уточнила девушка – и вызвала приступ хохота у собеседника:

– Ты чё, совсем тупая? Каких еще рублей? Сто баксов давай, я ж тоже вместе с тобой соучастником становлюсь, а риск должен быть оправдан. Или оплачен.

«Однако... – ахнула про себя Настя. – Дороговатый выходит детективчик».

Но, взвесив все «за» и «против», она все-таки вынула из кошелька сто долларов, которые мгновенно перекечевали в карман грязно-розовой кожанки.

– Ты иди, короче, домой, а завтра с утра подгребай снова, – велел мастер и направился было в гараж, но Настя поймала его за рукав:

– Нет, погоди! А гарантии? Я завтра приеду, а тебя и след простыл!

– Да ты чё, в натуре? – оскорбился парень. – У меня серьезная фирма, зачем мне такое палево? Все будет в срок, даже не сомневайся! Витька Шнырь свое дело знает!

– Не убедил, – вздохнула Настя, понимая, что выбора все равно нет.

Всю ночь она мучилась сомнениями и тревогой и все гадала, как ей удастся пробраться в квартиру Мезенцевой и что именно она будет там искать. «А, ладно! Главное – попасть туда, а там уж будет видно», – решила девушка и постаралась уснуть.

Подходящий случай осмотреть квартиру Мезенцевой представился буквально через пару недель. Наталья и Валько уехали в банк оформлять очередной кредит, и Настя смогла беспрепятственно уйти с рабочего места. Адрес Мезенцевой она уже давно нашла в компьютере Кирилла и аккуратно переписала в свою записную книжку.

Квартира находилась совсем недалеко от офиса, буквально через три остановки. Большой дом-новостройка, третий этаж... Трясущимися руками Настя открыла дверь и вошла в квартиру. Тревожной сигнализации не обнаружилось, так как двор имел ограждение и попасть внутрь можно было только с помощью ключа. Однако Настя все равно почувствовала себя лучше, не заметив в коридоре датчиков.

В квартире как-то странно пахло. Девушка сначала решила, что это из-за пушистого рыжего кота, лениво лежавшего в плетеной корзинке в просторной гостиной, но, приглядевшись, поняла, что запах – из-за огромных плоских ваз, наполненных какими-то травами. Они и источают этот головокружительный аромат. В простенке между двух окон она увидела портрет мужчины в строгом костюме. Его лицо показалось ей смутно знакомым, но Настя никак

не могла сразу вспомнить, где именно она видела этого брюнета с чуть горбатым носом и идеальной короткой стрижкой.

Она прошла в спальню и огляделась. Белая мебель с ротанговой отделкой, белый пушистый коврик у широкой кровати, застеленной кремовым покрывалом с вышивкой. На спинке – небрежно брошенный шелковый халат цвета слоновой кости, от него пахнет духами Натальи. Ничего особенного, только на тумбочке – серебристая рамка. Взяв ее в руки, Настя с удивлением обнаружила, что на фотографии тот же мужчина в обнимку с хорошенькой, чуть полной девушкой с каштановыми волосами, небрежно прихваченными заколкой и переброшенными через плечо на грудь. Ничего общего с Мезенцевой.

– Странно, зачем ей чужие фотографии в спальне? – пробормотала Настя, возвращая рамку на прежнее место. – Может, родственник? Но где я-то его видела?..

Она присела и осторожно потянула на себя ящик прикроватной тумбочки.

Там, на самом дне, под стопками каких-то бумаг и документов, девушка обнаружила черную кожаную папку. Вынув ее, Настя села прямо на пол и принялась изучать содержимое. Потом перевела взгляд на фотографию, снова вернулась к чтению бумаг. Это были счета из крупного косметологического центра в Москве, договора о продаже квартиры и загородного дома... Во всех документах Настю смутило только одно – имя.

И все сразу встало на свои места. И даже внешность мужчины на фотографии перестала казаться ей знакомой только смутно...

В среду из банка пришло письмо. Наталья Мезенцева успела аккуратно выхватить его из большой пачки почты и унести к себе в кабинет. Содержимое белого конверта с печатями она примерно знала – это было требование о погашении задолженности по кредиту и предупреждение о безакцептном списании средств со счетов фирмы. Иными словами, на них не осталось ни копейки. Улыбнувшись своим мыслям, Мезенцева включила шредер и сунула конверт в зубастый рот аппарата, с удовлетворением глядя, как важный документ превращается в горку бумажной лапши. Затем поправила прическу, чуть тронула коралловой помадой губы и твердой, уверенной походкой направилась в кабинет шефа.

Настя вскинула глаза из-за своей конторки, но Мезенцева даже не удостоила секретаршу взглядом, толкнула дверь и вошла.

– Кирилл Сергеевич, можно к вам по личному вопросу? – кокетливо проговорила она, и у Валько сердце ухнуло вниз.

– Да-да, конечно... – засуетился он, выскакивая из-за стола и отодвигая для Натальи стул. Она села и, продолжая улыбаться, предложила:

– Кирилл Сергеевич, а вы не хотите пригласить меня в гости?

– В го-гости? – заикаясь от неожиданности, повторил Валько.

– Нет, я не настаиваю... если я вклинилась в ваше продуманное расписание, то прошу меня простить.

– Нет-нет, у меня нет никаких планов, что вы, Наташенька! – замахал руками Кирилл, не на шутку испугавшись, что Мезенцева через секунду встанет и уйдет.

– Тогда... я заеду к вам после работы, можно? Я хотела бы кое-что обсудить...

Она поднялась и вышла из кабинета, а в душе у Валько заиграли победные фанфары – неприступная крепость выкинула нечто вроде белого флага! Он закружился по кабинету, напевая арию тореадора и притопывая ногами в такт, а потом нажал кнопку селектора:

– Настюша, на сегодня меня ни для кого больше нет, и вообще, я уезжаю!

Выхватив из стенного шкафа пиджак, Кирилл наскоро натянул его и почти бегом направился к выходу из офиса. О том, что Мезенцева не спросила его адреса, он как-то не подумал...

Убедившись, что Кирилл сел в машину и уехал, Настя заперла его кабинет и приемную и кинулась вниз по лестнице, на ходу стараясь попасть в рукав плаща. Но тут, как назло, навстречу ей попался один из менеджеров по рекламе. Ему срочно потребовались подписанные шефом бумаги, которые секретарша впопыхах забыла занести в отдел. Пришлось вернуться и искать их, потом позвонил заместитель Валько с просьбой дать ему список последних заказов... и так почти два часа. Настя периодически звонила на мобильный Кирилла, но механический голос всякий раз выдавал фразу о том, что абонент отключил телефон. О том, что именно могло произойти в квартире шефа за это время, Настя не хотела даже думать.

Кирилл боялся верить своему счастью. Он все смотрел на сидевшую напротив Наталью и готов был заорать на всю квартиру. Мезенцева же спокойно откинулась на спинку кресла, скрестила ноги в щиколотках и протянула руку к бокалу с французским вином.

– Ты предпочитаешь белое, Наташа? – спросил хозяин, кивнув на бутылку, принесенную гостьей с собой. – Могла бы сказать, я бы сам...

– Я не вижу, какого оно цвета. Да это и все равно. Ну что, Кирюша, давай выпьем с тобой, – проговорила она каким-то чужим голосом, и Валько невольно вздрогнул.

– Давай. А за что? – Он коснулся своим бокалом ее и сделал два больших глотка.

– А за Игоря Ивина.

У Кирилла перехватило дыхание. Игорь Ивин был его компаньоном, они вместе открывали фирму, но потом случилось несчастье, и Игорек погиб прямо в день собственной свадьбы. Но откуда Наталья узнала об этом? Она появилась в фирме через три года после смерти Ивина, не могла его знать...

– Что ты так уставился на меня? – спокойно поинтересовалась Мезенцева, покручивая в пальцах бокал. – Неужели за все два года, что ты трешься возле меня, ты так и не понял, кто я? Тогда ты еще более глуп, чем я думала, Валько.

– Кто... кто ты такая? – прохрипел Кирилл, разрывая ворот рубашки, чтобы набрать полную грудь воздуха.

– Так ты серьезно не узнал меня? – хрипловато хохотнула Мезенцева, аккуратно поставив бокал с так и не тронутым вином на столик. – Эх ты! А еще клялся мне в любви! Я – Валерия Половцева, так и не успевшая толком стать Ивиной. Лера, Лерочка – как же ты мог забыть меня так быстро, Кирилл? Ведь ты обивал порог моего дома со дня гибели Игоря, ты мне обещал помощь и поддержку!

Валько моргал глазами и никак не мог понять, что происходит в его квартире. Лера Половцева выглядела совершенно иначе, она ничем не напоминала эту холеную ледяную суку. Лерочка – чуть полноватая, с тугими каштановыми локонами, жизнерадостная хохотушка – и эта худая блондинка с неулыбчивым лицом... Их ничто не объединяло, один образ никак не накладывался на другой.

– Ну, что ты хлопаешь гляделками, Кирюша? Пластическая хирургия творит чудеса – не знал? С деньгами, что оставил мне Игорь, я сумела изменить внешность почти на сто процентов.

– Но зачем?... Зачем тебе это понадобилось?! Я чуть с ума не сошел, когда ты пропала...

– О, прекрати это! – рассмеялась женщина. – Ты был только рад тому, что я не вступила в права наследства на долю Игоря в фирме и все досталось тебе! Ты ведь поэтому за мной так увивался после его смерти. И это ты его убил!

– Что?! – побледнев, прошептал Валько плохо слушающимися губами. – Что ты несешь, дура?!

– Это ты был дурак, Кирюша, – спокойно проговорила она. – Ты – когда в один из своих визитов забыл у меня свой ежедневник. Нет, я не копалась в нем, ты не подумай! Если бы он случайно не упал на пол, я так и не наткнулась бы на листочек, на котором был чей-то телефон

и фамилия Игоря, жирно зачеркнутая крест-накрест. Я наняла частного детектива – и он выяснил, что телефончик принадлежит одному криминальному авторитету. А тот промышляет... – Она сделала паузу и впиалась глазами в бледное уже до синевы лицо собеседника. – Сказать? Или ты сам все помнишь?

– Не... не... не надо...

– А, значит, помнишь? Прекрасно. Так вот, этот самый авторитет помог тебе устранить Игоря. Уж слишком хорошо пошли дела в вашей совместной фирме, и тебя обуяла жадность. Ты представил, как мог бы жить, если бы все принадлежало только тебе. Одному! Ты, циничная сволочь, заказал своего компаньона, и киллер выполнил заказ в день нашей свадьбы. Но ты не остановился на этом – ты начал ухаживать за мной... Еще совсем немного – и я сдалась бы, я, убитая несчастьем вдова! Но тут-то и вышла такая вот оказия с этим ежедневником. Я могла убить тебя сразу, Кирилл, могла заказать тому же самому киллеру – но я решила поступить иначе. Изменила внешность, почти год провела в клинике, училась ходить по-другому, разговаривать по-другому. Училась не быть прежней Лерочкой. За приличные деньги купила себе паспорт на имя Натальи Мезенцевой и вспомнила свои бухгалтерские навыки. Устроиться в твою контору труда не составило, хотя и стоило мне определенной суммы. Проще говоря, я купила твоего бывшего бухгалтера, и она уволилась, а тебе порекомендовала меня – помнишь?

Валько закивал – он помнил, как странно и без видимых причин два года тому назад уволилась Люда, работавшая в фирме со дня открытия, а вместо себя представила вот эту дамочку.

– Ну вот. А потом ты – что было вполне ожидаемо – запал на меня. И пока ты изобретал способы меня охмурить, я привела твою фирму к банкротству. Не спрашивай меня, как именно – тебе это знание уже не поможет, а все деньги давно лежат на моих счетах за пределами страны. Теперь мне осталась самая малость – и я исчезну, растворюсь. Я убила несколько лет жизни, уничтожила собственную внешность, собственную душу – и все для того, чтобы сейчас увидеть твою искривленную страхом морду, Кирюша! Но поверь – я не считаю, что заплатила за эту возможность слишком дорого.

Она замолчала, глядя на деморализованного Кирилла прозрачными глазами. Валько только открывал и закрывал рот, напоминая ей карпа в большом аквариуме супермаркета.

– Ты... ты убьешь меня? – выдохнул он, и женщина снова хрипловато рассмеялась:

– А как ты думаешь? Ты уже мертв, Кирилл. Ты убил себя сам в тот день, когда застрелили Игоря. Хорошее вино, да? – Она кивнула на бутылку и снова уставилась в бледное до синевы лицо Валько, и тот вдруг захрипел, упал на пол, зарывшись лицом в мягкий ковер.

Валерия сперва растерялась, но потом, взяв себя в руки, опустила на колени рядом с неподвижно лежащим телом и прижала два пальца к шее. Пульса не было. Посидев в оцепенении пару секунд, женщина собралась с мыслями, вытащила из сумочки платок и аккуратно вытерла бутылку и свой фужер. Бросив на мертвого Валько последний взгляд, Валерия направилась к двери, открыла ее и налетела на Настю, поднимающую руку к кнопке звонка. Обе вздрогнули, и Валерия, бывшая выше и сильнее, дернула секретаршу внутрь и захлопнула дверь.

– Зачем ты пришла сюда?! – зашипела Валерия, прижав Настю к стене.

– Я... я знаю... знаю, зачем вы здесь... – пробормотала девушка, неотрывно глядя на нее расширившимися от ужаса глазами.

– Что? – слегка опешила Валерия, но быстро справилась с собой.

– Вы... вы убили... его? – прошептала Настя, закрывая рот руками, и сползла по стене вниз.

– Успокойся! – приказала Валерия, садясь прямо на пол напротив нее. – Давай поговорим без истерик. Откуда ты узнала, что я буду здесь, и с чего ты взяла, что я могу его убить?

Секретарша перевела дыхание и проговорила, опустив голову:

– Я влезла в вашу квартиру, Наталья Андреевна... Вы забыли ключи в офисе, помните? Я сделала слепки и заказала дубликаты.

– Меня зовут Валерия, – поправила та. – Ты ведь это тоже знаешь, раз была в моей квартире? Объясни мне только – зачем тебе это было нужно?

– Я... только не смейтесь...

– Ну? – подстегнула Валерия. – У меня самолет через пять часов, я должна еще забрать кота.

– Я хотела написать детектив... – еле слышно призналась Настя. – Вы показались мне странной и загадочной. Сначала списала все на свою любовь к чтению и на богатую фантазию, но потом... Я просто не смогла удержаться, когда нашла ключи. Мне хотелось только взглянуть, как вы живете, честно! А потом я вспомнила, где видела мужчину с фотографии в вашей квартире. Это ведь Игорь Ивин, бывший компаньон Кирилла Сергеевича. Я его практически не знала – только устроилась в фирму, как его застрелили... Я только сопоставила факты...

Хриплый хохот женщины привел ее в замешательство, Настя даже слегка испугалась, но Валерия перестала смеяться так же неожиданно, как и начала, серьезно посмотрела на девушку и сказала:

– Мне, к счастью, не пришлось мारать руки об этого подонка. Он умер сам – судя по всему, от испуга не выдержало сердце. Давай поможем друг другу. Ты никогда и ни при каких условиях не скажешь, что видела меня здесь и знала, кто я на самом деле, а я отдам тебе флэшку. На ней ты найдешь мой дневник, из которого вполне сможешь извлечь для себя что-то. Идет?

Настя молчала. С одной стороны, она стала невольной свидетельницей преступления, ведь Валько явно мертв, и Наталья-Валерия этого не скрывает. С другой... Настя узнала истинную причину преступления, и ее захлестнула волна отвращения к Кириллу.

– Уверю тебя, что я не убивала его, – словно уловив ее мысли, проговорила Валерия. – Клянусь тебе моим погибшим мужем – я была готова, но мне не пришлось. Я принесла бутылку вина – но там не было яда, я даже не забираю ее с собой и не выливаю вино из своего бокала, потому что мне нечего опасаться. У меня есть пистолет... Но сейчас я выйду из квартиры и брошу его в реку. Ты можешь убедиться, что я не стреляла из него. На нем нет следов – как на теле Кирилла нет пулевых отверстий. Возьми. – Она порылась в сумке и сунула Насте в руку флэшку на длинном черном ремешке. – Можешь использовать как хочешь. Там нет ни слова о Валько и о том, что я собиралась сделать, но есть многое, что поможет тебе понять меня. Я ведь не хладнокровная убийца, Настя... у меня просто не осталось выбора.

– Мне ничего не нужно... Я вам верю. – Настя вдруг обняла сидевшую у противоположной стены женщину.

– Идем! – вскочила на ноги Валерия. – Идем, я хочу, чтобы ты убедилась, что Валько умер без моей помощи!

– Нет... нет! – в ужасе взвизгнула девушка, представив, что сейчас в соседней комнате она увидит труп, но бухгалтер не слушала, рывком поставила ее на ноги и потащила за собой в глубь квартиры.

– Смотри! – приказала она, чуть подтолкнув онемевшую от испуга Настю в гостиную, где на полу лежал мертвый Кирилл. – Видишь – он лежит на совершенно сухом ковре, там нет крови. Нет следов борьбы... Смотри! – Валерия вдруг схватила свой бокал и осушила его до дна. – Видишь? Если бы в нем был яд – разве я стала бы пить его? Разве стала бы подвергать себя опасности, когда все уже вот-вот закончится? Я не могла не отомстить ему, понимаешь? Мы с Игорем даже не успели толком пожениться, а этот упырь ради денег...

Валерия вдруг заплакала. Она рыдала навзрыд, закрыв руками лицо, совершенно не заботясь о том, что ее кто-то видит в минуту слабости. Пружина внутри нее, которая сжималась

два года, неожиданно лопнула, и холодная и расчетливая Наталья уступила место мягкой и ранимой Лерочке.

Внезапно она посмотрела на Настю и тихо спросила:

– Твоя юбка... она... красная?

– Да... – растерянно ответила Настя. – А что?

– Я вижу... я снова вижу красное, – захлебываясь слезами, проговорила Валерия.

Год спустя

«Дорогая Настенька, огромное спасибо тебе за книжку. Ты большая умница, я читала не отрываясь и не могла поверить, что это ты написала. Ты настолько хорошо прочувствовала, так точно все описала, что у меня перед глазами снова встало мое прошлое. И мой Игорь... Жаль, что ты его плохо знала. Но вышел он у тебя именно таким, каким и был в жизни. Желаю тебе успехов, дорогая, а если сможешь, приезжай ко мне – отдохнешь, наберешься впечатлений. У нас сейчас просто замечательно, улицы еще не успели пропылиться, зелень свежая, все цветет и радует глаз. Знаешь, Настюша, а ведь май, оказывается, самый лучший весенний месяц, как я могла этого не замечать несколько лет? Словом, приезжай, сама все увидишь. Обнимаю тебя. Твоя Лера».

Нажав на «Отправить», женщина в белой широкополой шляпе и легком брючном костюме закрыла маленький ноутбук и потянулась к чашке с кофе. В небольшом парижском кафе было мало посетителей – стояло раннее утро. Но эта дама была здесь завсегдатаем, и обслуживающий персонал успел привыкнуть к ее ранним визитам и долгим посиделкам.

Рядом сразу возник официант:

– Мадам, ваш кофе остыл. Я принесу другой.

– Не нужно, Жак. Принеси мне лучше бокал вина.

– Красного? – уточнил юноша, и женщина улыбнулась:

– Ты же знаешь, я не пью другого.

За неделю до свадьбы

Женщина в сбившемся набок черном платке выла в голос. Толпа сочувствующих притихла, все смотрели на обезумевшую от горя мать и на молодую светловолосую девушку в снежно-белом платье, лежащую в обитом розовым атласом гробу.

– Наташа-а-а! Наташенька, деточка моя-а-а! – бился в небольшом дворике голос женщины. – Вставай, солнышко мое-о-о!

Рядом стояла девушка лет двадцати, с такими же светлыми, как у покойницы, волосами и бледным лицом, покрытым едва заметными веснушками. Черный траурный наряд старил ее, заплаканные глаза с тревогой наблюдали за матерью.

– Лёлька, слышь, Лёлька, поднимай мать-то, ехать пора! – прошептала за спиной соседка, и девушка встрепенулась, обняла мать за плечи и забормотала:

– Мама, мамочка, ну, хватит, хватит... Нужно ехать на кладбище, мам...

Женщина подняла на дочь невидящие, опухшие и какие-то словно вылинявшие от слез глаза и прошептала:

– За что? Господи, за что – ее-то?

– Мама, ну мама, хватит уже, – взмолилась Леля, стараясь удержать на ногах обвисающую на ней мать.

– Да будь же проклята та тварь, что родила этого ублюдка! Чтоб ей на том свете...

– Так, все, Лиза, хватит! – решительно проговорила высокая худая дама в затемненных очках и кружевной черной наколке на сахарно-белых волосах. – Вставай, автобус ждет.

Вдвоем с Лелей они кое-как оттащили потерявшую рассудок женщину от гроба, развернув ее так, чтобы она не видела, как опускается крышка и бледное лицо Наташи, обрамленное светлыми кудрями, исчезает под ней. Леля только вздрагивала, ей хотелось зажать уши и не слышать ужасных звуков, отдающихся в голове и в сердце. Звуков, навсегда отрезающих ее от Наташки...

Ранним майским утром небольшой дворик двухэтажного ветхого дома на восемь квартир был разбужен истошным женским воплем:

– Серегу посадили! Серегу Ряшенцева посадили!

Елизавета Ивановна очнулась и вздрогнула. Крик бился в открытое окно квартиры на первом этаже, долбил в виски. Она встала из-за стола, за которым сидела часов с пяти, куря одну сигарету за другой, и отодвинула занавеску, вздувшуюся парусом от прохладного утреннего ветерка. Во дворе уже собиралась толпа – та самая, что всего две недели назад окружала ее саму на похоронах старшей дочери. Посреди стояла растрепанная от быстрого бега невысокая женщина в застиранном сером платье и стоптанных спортивных тапочках. Весь ее вид выдавал любительницу горячительных напитков – и тонкие руки, и исхудалая фигура, и испитое раскрасневшееся лицо, и лихорадочно блестящие глаза. От возбуждения женщина нетерпеливо подпрыгивала на месте и тараторила без умолку. До Елизаветы Ивановны долетело:

– ...а мать евонная так орала, так орала! Все ментов за руки хватала – мол, не он, не он! Мол, любил он Наташку, жениться хотел! А участковый говорит – мол, кака така там любовь, когда все на Серегу твоего указывает? Еще и насильничал ее, паразит!

Елизавета Ивановна почувствовала, как пол уходит из-под ног, а стены кухни вдруг отчаянно завертелись. Она едва успела ухватиться за край стола и опуститься на табуретку, хватая ртом воздух. Сергей... Сергей Ряшенцев, молодой человек Наташи, с которым она встречалась почти два года... Неужели это он сотворил такое с ее девочкой?

– Леля... Леля... – выдохнула Елизавета Ивановна из последних сил, но в дальней комнате этого не услышали.

Только услышав звук падающего тела, девушка прибежала на кухню. Мать лежала на полу у стола.

– Мама, мамочка, что с тобой? – взвизгнула Леля, с размаху приземляясь на колени, но та не отвечала, не шевелилась, вообще не реагировала.

– ...и не переживайте, все в порядке будет с вашей матушкой, – но в голосе худощавого старичка-фельдшера Леля не услышала уверенности.

Она взяла безжизненную руку матери, лежавшей на носилках, и прижалась к ней губами. В придачу к Наташкиной смерти еще и обширный инфаркт у матери, и ей, Лельке, теперь только разорваться – сессия в институте, потом сразу летняя практика, нужно уезжать в город – а она не может оставить маму в больнице. В институте, видимо, придется оформить академический, потому что иначе просто не справиться со всем. Да. Нужно сейчас попросить тетю Надю побыть с мамой то время, что понадобится для сдачи экзаменов, – и ехать в город, в общагу...

Машина «Скорой помощи» скрылась за поворотом, а девушка продолжала стоять посреди двора. К ней подскочила та самая выпивоха, что буквально час назад принесла страшное известие, уложившее Елизавету Ивановну в больницу. Ухватив Лелю за руку, Раиса – так ее звали – зашептала торопливо, глотая окончания слов:

– Слышь, Лелька, а ведь это Серега Наталку-то вашу приговорил! Он, вражина бесстыжая!

– Да отвяжись ты! – рывкнула вдруг Лелька, даже не успев толком понять, с чего так разозлилась. – Ходишь тут, сплетни разводишь с самого утра! Что тебе – на бутылку дать?!

Раиса была бабенкой необидчивой, и волшебная фраза «дать на бутылку» моментально сгладила нанесенную ей перед этим обиду. Она согласно кивнула, и Лелька полезла в карман джинсов, где лежала сотенная бумажка, которую наотрез отказался взять старый фельдшер. Упрятав подачку куда-то в вырез серого платья, Раиса забормотала слова благодарности и задом попятилась в сторону переулка. Лелька только махнула рукой и пошла в опустевшую квартиру.

В то, что Сергей мог убить Наташу, она не поверила ни на секунду. Он так любил сестру, что в ее присутствии боялся дышать или произнести лишнее слово. И чтобы Сережка вдруг... да еще таким диким способом... На теле Наташи эксперты насчитали больше двадцати ножевых ранений, она была буквально изрезана. И потом – изнасилование... Неужели тихий, уравновешенный Сережка способен на такое зверство? В голове не укладывается.

Заставив себя не думать об этом, Лелька привела в порядок квартиру и пошла на другой конец поселка к тетке. К вечеру придется еще ехать в Сахаровское, в райцентр, где в больнице лежит мама. Если ей хоть немного лучше, Лелька поедет в город, первый экзамен уже через два дня...

Тетка встретила оханьем – в относительно небольшой деревне слухи разносились с поразительной скоростью. Надежда Ивановна обхватила племянницу длинными жилистыми руками и запричитала что-то о «горе горьком», но девушка вырвалась и проговорила:

– Да хватит тебе, тетя Надя! Что причитаешь, как по покойнику? Мама в больнице, фельдшер сказал, что она поправится.

– Ой, да наш фельдшер тебе скажет! – отмахнулась тетка, поправляя на голове сбившийся белый платок. – Идем в избу-то, что стоять на улице. Ты, поди, и не ела ничего с утра-то?

Только сейчас Лелька вспомнила, что действительно забыла о еде, и почувствовала, что сильно голодна. Тетка, не переставая говорить что-то, выставляла на стол банку с молоком, шаньги с творогом и сметану. Лелька впилась зубами в румяный бок шаньги и даже зажмурила глаза от удовольствия. Этот вкус напоминал ей детство, когда мама, уходя на работу, оставляла их с Наташкой у тети Нади. Тетка не работала, жила тем, что продавала в городе овощи с ого-

рода и мясо – держала несколько свиней, сама возила все это на базар на «Ниве», оставшейся от мужа. Дядя Андрей погиб еще за год до рождения Лельки, прыгнул в реку с обрыва и сломал шею, а тетка так больше и не вышла замуж. Была она еще не старая, здоровая, как рабочая лошадь, хоть и худая. В одиночку управлялась с немалым хозяйством, кругом у нее была такая чистота, с которой мог соперничать только операционный блок в районной больнице. Лелька очень любила бывать у тети Нади, в ее уютном доме, в чисто выметенном и убранном дворе, где вдоль дорожек летом непременно цвели цветы, а по забору вился хмель.

Сейчас она словно бы опять вернулась в беззаботное время, когда мама была здорова, а Наташка жива. Любимая старшая сестричка, светловолосая и кареглазая, похожая на русалку, веселая и жизнерадостная... Что же могло случиться с ней, как же так? Лелька отставила стакан с недопитым молоком и обхватила голову руками. Тетка моментально ринулась к ней из угла, где искала что-то в большом старом комоде, обняла и крепко прижала к себе:

– Не надо, деточка, не плачь. И Лизавета поправится, и у тебя все будет хорошо, вот увидишь. И Серегу, ирода этого, накажут...

– Тетя Надя... – выдохнула Лелька, задыхаясь от рыданий. – Да не Серега это... ну не верю я, что он мог, он же ее любил...

– Лелька-Лелька, ребенок ты еще! Разве ж безвинно-то арестуют, а? – раскачиваясь вместе с племянницей, проговорила Надежда.

– Неправда! – билась в ее руках Лелька, которую одолевали непонятные чувства.

– Ш-ш-ш! – Тетка гладила ее по вздрагивающим плечам, по волосам, стянутым в хвост резинкой, и девушка понемногу успокоилась, вытерла глаза и проговорила:

– Тетя Надя, а ведь я попросить хотела... мне в город надо хоть на пару недель, экзамены сдать, академический оформить... а мама...

– Да ты что?! – возмутилась родственница, всплеснув руками. – Да тебе как не стыдно-то, Лелька?! Разве ж я сестру родную брошу? Езжай, сдавай экзамены свои и не переживай. Я присмотрю.

У Лельки отлегло от сердца – все-таки родной человек намного надежнее и лучше, чем няньки в больнице, которым к тому же совершенно нечем заплатить.

Тем же вечером девушка шагала на автобусную остановку. На плече ее висела спортивная сумка, кудрявые волосы закручены в пучок, а опухшие от слез глаза скрывал длинный козырек белой бейсболки. Междугородный автобус должен был подойти минут через десять, Лелька торопилась, боясь опоздать, – следующий пойдет только в половине одиннадцатого, а значит, в город она попадет поздно ночью, и в общежитие ее могут уже не пустить. Неизвестно ведь, кто из вахтеров дежурит. Внезапно прямо перед ней на обочину свернула ярко-красная «Ауди» с затемненными стеклами и оглушительно орущей из салона музыкой. Из машины вышел невысокий плотный мужчина в белых брюках и майке, снял солнечные очки и приветливо улыбнулся:

– Ну, здравствуй, что ли, красавица!

Лелька остановилась. Это был Матвей, хозяин местного злачного заведения – автокемпинга в десяти километрах от деревни. В его «хозяйстве» имелся автосервис, кафе, небольшой мотель для дальнобойщиков и малюсенький магазинчик со всякой всячиной. По деревенским меркам Матвей был не просто состоятельным, а очень богатым человеком. Жил он там же, рядом со своими владениями, в большом двухэтажном коттедже из красно-коричневого кирпича, обнесенном высоким глухим забором. О том, что там, внутри, ходили самые разные слухи – от нелепо-смешных до страшных. Говорили, что Матвей держит там целый гарем, а во дворе у него живут павлины. Проверить не решался никто – по верху забора была натянута проволока, а по ней пропущен ток.

И вот этот самый Матвей сейчас стоял перед Лелькой, облокотившись на капот машины.

– Куда собралась, может, подвезти?

– Нет, спасибо. Я на автобус...

– Не вернешься теперь в наши края, красавица?

– Почему не вернусь?

– А уж больно нездешняя внешность у тебя, не деревенская. Вот и сестра твоя такая была. Ей бы в город – ух, развернулась бы! – Матвей беззастенчиво шарил глазами по тонкой Лелькиной фигурке, и она даже съежилась, желая исчезнуть.

– А вы что же... Наташу знали? – спросила она, непроизвольно опустив козырек бейсболки еще ниже.

– Знал, красавица, знал, – усмехнулся Матвей и вдруг протянул руку и сорвал с Лелькиной головы бейсболку.

Девушка вздрогнула и отступила назад. Ситуация накалялась – на дороге ни души, рядом открытая машина, мало ли что в голову Матвею взбредет... Но тот только рассмеялся, наслаждаясь испуганным видом Лельки, потом вернул ей бейсболку и бросил, направляясь в машину:

– Не бойся, я тебя не трону. Если помощь какая нужна будет – приходи, не стесняйся, все сделаю.

Красная «Ауди» сорвалась с места и скрылась за поворотом. Лелька едва уняла дрожь, подхватила сумку, упавшую с плеча, и побежала по направлению к остановке.

Старенький «Львов» уже закрывал двери, когда девушка показалась у кирпичного строения кассы. Водитель заметил отчаянно машущую руками пассажирку и дождался, пока она запрыгнет на подножку и войдет в салон:

– А можно, я вам деньги отдам? Мне срочно нужно уехать, а следующий ждать долго...

– Валяй, садись. В Сахаровском рассчитаемся, – кивнул водитель, закрывая двери. – Сзади место свободно.

Лелька проворно шмыгнула в конец автобуса и примостилась у окна, толкнув сумку под сиденье. Рядом с ней оказался молодой парень, не местный, судя по одежде и манере держаться, – своих Лелька знала. Он то и дело прикладывался к бутылке пива, и это девушке совершенно не понравилось. Как пить дать к концу поездки сосед наберется как следует, вон у него сколько пива этого, полный пакет бренчит под сиденьем, и кто знает, не примется ли завести знакомство. Лелька терпеть не могла пьяных, вообще всегда считала, что алкоголь заставляет людей проявлять какую-то глубинную сущность, которая в трезвом состоянии спрятана. Возможно, причиной подобного отношения было то, что ее собственный отец умер именно из-за пристрастия к горячительным напиткам.

Сколько Лелька себя помнила, столько отец и пил, и мать постоянно пыталась как-то его контролировать, но как это можно в деревне, где за любую услугу рассчитываются поллитрой? Отец был отличным автомехаником, разбирался практически во всех видах техники, к нему часто обращались с просьбой то перебрать двигатель у мотоцикла, то посмотреть забарахливший автомобиль, а то и холодильник отремонтировать, машинку стиральную – да мало ли что еще. Он никому не отказывал, платы не брал, а люди в знак благодарности приносили то водку, то портвейн, а то и просто самогон. Спился он поразительно быстро, опустил, перестал работать, все мысли устремились только в одну сторону – как и на что найти опохмелиться. Он не стеснялся залезть даже в копилку, в которую дочери складывали мелочь, мог вытащить деньги у жены из кошелька, занять у соседей, а то и просто клянчить в долг в магазине. Мать потом отдавала с полочки...

Когда отец умер, не найдя однажды в тяжелом похмелье возможности поправить здоровье, Лельке показалось, что маме даже стало вроде легче жить. Она сперва осуждала ее – ну как можно, ведь муж, отец дочерей, столько лет вместе прожили! Но потом, став постарше, девушка поняла, каково было маме жить в постоянном стыде, под косыми взглядами соседей. Мама работала заведующей небольшим универмагом, ее все знали, относились с почтением,

и вдруг у такой уважаемой женщины муж – запойный опустившийся пьяница, частенько засыпавший прямо под забором...

Старшая сестра Наталья относилась к этому безразлично – ну, пьет папка, так а у кого не пьет? Половина деревенских мужиков не работает, а только и делает, что с самого утра глаза заливают. Наташа вообще мало интересовалась происходящим в семье, а в последнее время, как поступила в техникум на бухгалтерское отделение, приезжала домой только на выходные, да и то нечасто. Но и в эти дни ухитрялась уезжать в Сахаровское к подруге – смазливой вертлявой Динке, с которой познакомилась в техникуме при поступлении. Леля очень обижалась и ревновала сестру, но Наташа, казалось, этого не замечала.

Ревновала Леля и к Сергею. Он не был «первым парнем на деревне» – невысокий, худенький, рыжеватый, с усеянным веснушками лицом, но при этом всегда умел оказаться в нужное время рядом с Наташей, помочь, поддержать. Однажды Лелька стала невольной свидетельницей того, как сестра, вернувшись откуда-то в отвратительном настроении, мрачная и какая-то пришибленная, жаловалась своему поклоннику, облокотившись о забор палисадника:

– Не хочу я, понимаешь? Не хочу – а они... – и заплакала.

Сергей молча погладил Наташу по щеке, и она вдруг замолчала, обеими руками прижала его руку и замерла.

– Не плачь, Наталочка. Все образуется.

Наташкино дурное настроение унесло, словно тучку ветром. Лелька тогда по-хорошему позавидовала сестре – если бы у нее тоже был такой парень, как Сергей, она была бы счастлива. Когда она призналась в этом Наташе, та только фыркнула:

– Ой, нашла, чему завидовать! Тоже мне – принц на белом коне!

– Ты что же – не любишь его? – удивленно спрашивала младшая сестра, и старшая рассеянно отмахивалась:

– Почему? Люблю... наверное. Только... ты пойми, Лелька, на свете есть совсем другие мужчины – настоящие...

– А Серега? Он разве не такой?

– Он? Он хороший, добрый, мне с ним легко – но... А, ты все равно не поймешь, маленькая еще, – и разговор обрывался, а Леле потом еще долго было обидно за Сергея. Она видела, как сильно он влюблен в сестру, и удивлялась, почему Наташа так относится к нему.

...Пока в голове у Лели крутились подобные мысли, автобус подкатил к кемпингу Матвея – здесь тоже была остановка. Парень-сосед подхватил пустые бутылки и вышел из автобуса, Лелька тоже вышла, чтобы немного размять ноги. Под тремя большими зонтиками за столами сидело несколько человек – видимо, водители-дальнобойщики, ели шашлыки и о чем-то разговаривали, то и дело принимаясь громко хохотать. Над большим мангалом поднимался дым, жарилась очередная порция мяса, и шашлычник в белом халате переворачивал металлические шпажки, чтобы не пригорело. На парковке отдыхали пять огромных фур, виднелась пара легковушек, и среди них Лелька сразу увидела красную «Ауди» Матвея.

Пассажиры автобуса разбрелись по территории кемпинга, водитель курил, прислонившись к невысокой оградке, и поглядывал на висящие над входом в кафе огромные часы. Лелькин сосед показался из небольшого домика на другом краю кемпинга, и девушка почему-то злорадно подумала о том, что следующая остановка автобуса будет только через три часа, а если юноша допьет имеющееся у него пиво, то может и не выдержать.

– Эй, красавица, а ты за билет не хочешь заплатить? – окликнул ее водитель, и Лелька встrepенулась:

– Ой, извините! Хочу, конечно, сейчас...

Она полезла в карман джинсов, где лежали приготовленные на билет деньги.

– Га-аспада пассажиры, поторопимся! – зычно крикнул водитель, пряча Лелькины деньги в висящую на поясе сумку-кошелек. – Через две минуты отправляемся!

Лелька тоже двинулась к дверям и вдруг увидела Динку – та выходила из кафе с каким-то мужчиной. Лелька успела только разглядеть, что тот намного старше Наташкиной подружки. «Может, отец?» – подумала она, забираясь на свое место.

Академический отпуск она оформила, сдав на «отлично» все экзамены. В деканате удивились, увидев заявление, но когда девушка объяснила причину, пожилой декан с сочувствием покачал головой и, подписывая, проговорил:

– Да, жаль, что год пропадет. Но что поделаешь, раз мама... Вы только непременно восстановливайтесь, Горожанкина. Из вас выйдет толк.

– Спасибо, Михаил Петрович, – пробормотала Лелька и выскочила за дверь, готовая расплакаться от жалости к себе. Учиться ей нравилось, она не была «зубрилой», но обладала хорошей памятью и всегда могла ответить на любой вопрос преподавателя.

«Ничего, вот мама поправится – снова буду учиться, и диплом получу, и работу найду», – уговаривала себя Лелька, упаковывая свои вещи в комнате общежития.

Тем же вечером она уже шла по улице родного поселка и думала о том, на что будет жить этот год – маминой пенсии явно не хватит на двоих. Работы в поселке не было, и только в кемпинг Матвею постоянно требовались то уборщицы, то горничные, то официантки в кафе. Идти к неприятному типу не хотелось, но это был единственный шанс заработать хоть какие-то деньги.

Через пару дней, когда матери стало немного лучше, Лелька позволила себе отлучиться из больницы. Тщательно одевшись и наложив макияж, она отправилась в кемпинг.

Матвей с удивлением оглядел замершую на пороге кабинета девушку:

– Тебе чего, красавица?

– Я... мне... я слышала, вам работницы нужны, – пробормотала Лелька, и Матвей расхохотался:

– Что, экзамены провалила?

– Нет... просто мама... вы же знаете...

Хозяин кемпинга сразу стал серьезным – о несчастье Горожанкиных известно было всем. Он постучал карандашом по столу, подумал пару минут и изрек, внимательно оглядывая Лелю с головы до ног:

– Горничной пойдешь? Ну, в номерах убирать, то-се... Раз в неделю – мой кабинет. Зарплатой не обижу.

Девушка согласилась.

Работа оказалась не слишком обременительной, хоть и не особенно приятной – водители-дальнобойщики иной раз оставляли после себя настоящий хлев. Но и с этим можно было бы смириться, если бы не приставания клиентов. Лелька старалась не краситься, одеваться как можно проще и все равно не успевала отмахиваться от настойчивых предложений.

Однажды она вдруг нос к носу столкнулась в коридоре мотеля с Динкой. Та даже взвизгнула от неожиданности:

– Ой, Лелька! А... ты-то как тут?

– Работаю.

В глазах Динки мелькнуло что-то и тут же исчезло. Она махнула маленькой сумочкой на длинном ремешке и пошла к выходу так быстро, что Лелька даже не успела выяснить, что сама-то Динка делает здесь в такое время – стояло раннее утро. Каково же было удивление девушки, когда буквально через полчаса, переходя с ведром и шваброй из одного номера в другой, она нос к носу столкнулась со своей бывшей одноклассницей Юлькой Щепкиной! Высокая, с воло-

сами, выкрашенными в немыслимый цвет, чудовищно покрашенная, вернее – размалеванная, Юлька, спотыкаясь, вышла из номера и направилась к выходу, налетев на Лельку.

– Щепкина?! – ахнула та, останавливая одноклассницу, и Юлька наконец сфокусировала взгляд:

– О-па... Лелька... а ты это... чего тут?

От нее несло перегаром, и Леля удивилась – раньше Юлька вообще не прикасалась к спиртному. Она вообще слыла в поселке пай-девочкой, умницей и надеждой своей старенькой мамы. Юлька поступила в престижный институт, получала стипендию и рассказывала, что вот-вот выйдет замуж за сына какого-то бизнесмена. И теперь Лелька встречает ее – где? В кемпинге Матвея – ну и дела...

– Юль, у тебя случилось что-то?

В ответ Щепкина хрипло рассмеялась, качнулась на высоких каблуках и фыркнула:

– У меня все в порядке!

В конце коридора неожиданно появился Матвей, и выражение лица Юльки из надменного в секунду стало испуганным и растерянным, она забормотала слова прощания и бочком проскользнула мимо Лельки в дверь черного хода.

Матвей вразвалочку приблизился к замершей у открытого номера Лельке, приветливо улыбнулся и поинтересовался:

– Ну как тебе? Не обижают?

– Нет, Матвей Игоревич, не обижают.

– Всем довольна?

– Да... – И тут вдруг из дверей соседнего номера выкатился невысокий толстый мужик в спортивных брюках и майке-пенсионерке и завопил:

– Где эта курица?! Убью тварюгу!

Матвей изменился в лице, шагнул к постояльцу:

– Тихо, уважаемый, не надо кричать. В чем проблема?

– Где эта шалава? – бушевал мужик. – Вывернула! Ты подумай, вывернула все карманы, все до копейки унесла!

– Так, стоп, – остановил его Матвей, скосив глаза в сторону открывшей от удивления рот Лельки. – Идемте в мой кабинет, разберемся.

– Да какое – разберемся?! Милицию надо!

– Да, и милицию тоже, – согласно кивал Матвей, настойчиво подталкивая мужчину в сторону своего кабинета. – Сейчас все выясним – и в милицию. У нас никогда такого не было, чтобы у гостей деньги пропали... А ты чего замерла? – зыркнул он на Лельку, и та вздрогнула. – Марш на рабочее место. И язык за зубами держи – пока не выясним, как и что.

Лелька быстро скрылась в номере и даже заперла за собой дверь. Опустившись на стул, она принялась обдумывать услышанное только что. Получалось, что Юлька каким-то образом проникла в номер и украла деньги у постояльца? Но как, зачем? И вообще встретить двух знакомых в одно утро в одном и том же месте – это не может быть простым совпадением.

В дверь постучали, и Леля вздрогнула.

– Да-да, сейчас, – она подбежала к двери и открыла ее.

На пороге стояла баба Сима, известная в поселке пьянчужка и сплетница. У Матвея она подрабатывала на бутылку, убирая туалеты.

– Слышь, Лелька... а чегой-то Мотыка орет в кабинете? Что приключилось-то? – шепелявя, спросила она, заходя в номер.

– Не знаю я, баб Сима, – отговорила Лелька, помня о предупреждении Матвея, но въедливая старуха не отставала:

– А чего ж тогда Юлька-то Щепкиных мимо меня, как крапивою ошпаренная, просвистела?

– Да откуда я... – начала Лелька и тут же подумала, что старуха наверняка знает, что именно делала здесь с утра Юлька. – Баба Сима, а Юлька тут часто бывает?

– Дак как когда. Когда ейная смена – так бывает, а как нет – так и нету ее, – почесывая плечо, проговорила баба Сима.

– Погоди, так она работает тут? – не поверила своим ушам Лелька. – А как же институт? Баба Сима разразилась хохотом:

– Ой, умора! Да какой институт, когда она тут второй год уже по номерам ошиивается?

– В смысле?

– А вот и смысла тебе вся – мужиков за деньги обслуживает Юлька твоя.

– Чего?! – От изумления Леля никак не могла прийти в себя. – Ты чего несешь-то, баба Сима?

– Хошь – не верь, – обиделась старуха. – А только я забожиться могу. С того дня, как из города приехала несолоно хлебавши, так и работает у Мотьки. А матери врет, что учится да замуж собирается. И мне, чтоб лишнего не говорила, каждое утро после смены полтинничек дает на поправку здоровья. А сегодня вот мимо просвистала, вертихвостка.

Баба Сима сокрушенно вздохнула, явно сожалея об утраченном полтиннике, а Леля тихо спросила:

– А... Динка? Динка Самарина?

– Динка? Это которая же? Из Сахаровского которая?

– Да...

– У-у, девка! Ты от нее подальше держись, та еще стервь... – Баба Сима озабоченно посмотрела на Лелю и поманила пальцем: – Иди, чего скажу-то. – И когда девушка наклонилась к ней, зашептала: – Серьгу-то Ряшенцева напрасно обвинили... не трогал он Наталку вашу.

– А... ты откуда знаешь? – задохнулась Леля, вцепившись в руку старухи.

– А знаю вот, – буркнула та. – Да только говорить больше все одно ничо не буду. Я хоть и старая, а жить хочется. А ты беги отсюда, девка. Место гиблое тут, грязное. Наталка ваша ни за что пропала – и ты пропадешь.

Сказав это, старуха встала и, оттолкнув от себя испуганную и совершенно убитую ее словами Лельку, заковыляла к двери.

Кое-как домыв все, что полагалось, девушка отправилась восвояси. Ей предстояло еще заехать к матери в больницу, но моральных сил не осталось, и Лелька побрела сразу домой. Всю ночь она ворочалась в постели, стараясь выбросить из головы все, что наговорила похмельная старуха, однако это никак не удавалось. Измучившись, Лелька решила, что должна завтра же встретиться со Щепкиной и попытаться поговорить начистоту. Безвинно арестованного Сергея ей было жалко до слез, в то, что он не мог убить Наташу, Леля верила свято, а потому ничего не оставалось, кроме как найти истинного убийцу.

Еще подходя к старенькому домику, в котором жили Юлька и ее мать, Леля услышала нечеловеческий крик. «Что у них стряслось?» – подумала девушка, толкая калитку. То, что она увидела во дворе, повергло ее в такой ужас, какого прежде испытывать не доводилось. Под большой старой ветлой у гаража прямо на земле ничком лежала мать Юльки и истошно выла, мотая туда-сюда разлохмаченной седой головой. Сама же Юлька, свесив набок голову и вывалив распухший посиневший язык, висела на черном кожаном ремне, едва не касаясь пальцами босых ног утрамбованной песком дорожки.

– Тетя Настя... тетечка Настя... – забормотала Лелька, в испуге глядя на труп одноклассницы.

Юлькина мать подняла на девушку ничего не видящие глаза и, кажется, даже не узнала ее, снова упала на дорожку и закричала еще страшнее. Дворик постепенно заполнялся сосе-

дями, появились фельдшер и участковый милиционер, чуть позже подъехала опергруппа из райцентра...

Леся не могла поверить своим глазам – только вчера в это время Юлька была жива, а теперь – вот... Как, из-за чего она могла таким диким способом уйти из жизни? Неужели тетя Настя каким-то образом узнала о ее лжи? И тут до нее донеслись слова участкового Геннадия Павловича:

– ...и что за утро такое! Только час назад как с трупа – и на тебе, еще один, сговорились они, что ли?

– А еще что случилось? – осматривая снятое уже с ветки тело Юли, поинтересовался эксперт.

– Да старуха угорела наша местная. Баню топила да и уснула там, пьяненькая. Вот и задохнулась.

Лелька почувствовала, как из-под ног уходит земля – это могла быть только баба Сима... Она собралась с силами и подошла к участковому, тронула за рукав и прошептала:

– Дядя Гена... это... баба Сима угорела?

Он посмотрел удивленно, вздохнул и подтвердил:

– Она, кому еще-то. Ведь как говорил – прекрати, мол, пить, Серафима Ивановна, остепенись, не молодка уже. А она ни в какую. И вишь, чего получилось. Да и вот теперь горе еще, – кивнул он в сторону Юлькиной матери, которую соседки успели усадить на лавку, и теперь фельдшер пытался сделать ей укол, но женщина отпихивала его руки и только кричала по-прежнему. – Как бы умом-то не тронулась Настасья Петровна.

Лелька не стала слушать дальше, сорвалась с места и убежала к себе, заперла дверь изнутри и забилась на диван с ногами, прихватив плед. На улице было тепло, однако девушку колотило как в лихорадке, она никак не могла согреться. Что-то странное происходило в кемпинге: с чего бы люди, работавшие там, погибали? Вечером ей предстояло ехать туда – сегодня она работала с пяти вечера, в ночную смену, но девушку охватил страх. Она сопоставляла в уме то, что ей рассказала старая Сима, с тем, что видела в кемпинге сама, и картина вырисовывалась неприятная.

Время неумолимо двигалось к четырем, нужно было собираться, чтобы успеть на автобус и не опоздать на работу. Лелька нехотя встала с дивана, побрела в свою комнату, которую теперь занимала одна. Наташин диванчик был застелен клетчатым покрывалом, на подушке все так же сидел ее любимый серый медвежонок – такое впечатление, что сестра просто вышла куда-то и вот-вот вернется. Лелька присела на край, поправила свалившегося набок медведя, и он вдруг издал какой-то звук – вроде хруста. Девушка взяла игрушку, покрутила, помяла – звук повторился.

– Странно, – пробормотала Лелька, крутя медведя в руках. – Я точно знаю, что он набит синтепоном, не может так шуршать.

Неожиданно пальцы девушки нащупали небольшое отверстие – шов на боку игрушки разошелся. Лелька просунула в дырку палец и, к своему удивлению, нащупала вместо синтепона бумагу. Разорвав шов посильнее, она просто оторопела – медведь был туго набит денежными купюрами. Выпотрошив несчастного Топтыгина, Лелька ахнула – перед ней на диване лежало целое богатство. Купюры достоинством в пятьсот, тысячу и даже пять тысяч рублей. Девушка начала пересчитывать и обнаружила, что медведь хранил в себе ни много ни мало – сорок тысяч.

– Кошма-а-ар... – протянула Лелька вслух. – Это что же такое-то, мамочки... Откуда? И что мне с этим делать?

Бросив взгляд на часы, Лелька поняла, что вот-вот опоздает на автобус, а потому наскоро собрала купюры, сунула их в свой рюкзачок и убрала на антресоли старого платяного шкафа.

Матвей прохаживался по своим владениям и выглядел злым и озабоченным. Едва только Леля, переодевшись в подсобке в рабочую одежду, вышла во двор, чтобы спросить, нужно ли убирать его кабинет, как он вдруг схватил ее за локоть и повел в дальний угол территории, туда, где были свалены старые шины и еще какой-то крупный мусор.

– Слушай, красавица. Ты мне вот какую вещь скажи – вчера утром ничего странного не замечала?

– В смысле? – Лелька слегка испугалась, но потом взяла себя в руки.

– Ну, когда номера утром убирала – никого не видела, кроме Юльки?

– Бабу Симу видела... вас видела... постояльца из третьего номера, но вы его тоже видели, еще в кабинет к себе повели...

– Черт... – пробормотал Матвей, отпуская локоть девушки. – Ладно, иди убирай, только начни с кабинета моего. – Он отдал ей ключ и сказал, что уезжает в райцентр: – Меня в милицию вызвали по поводу Юльки.

Когда красная иномарка Матвея скрылась за углом, Лелька, не понимая, зачем делает это, начала дергать ящики стола. Ничего интересного. Да и что она хотела найти? Но вдруг взгляд упал на корзину для бумаг – там, чуть присыпанный пеплом и окурками, лежал небольшой черный блокнот в кожаной обложке. Вытащив его двумя пальцами, Лелька начала перелистывать странички. Женские имена, столбики цифр... ничего не понятно. И два имени подчеркнуты красным – Натка и Юляха. В коридоре раздались шаги, Лелька мгновенно сунула блокнот в карман и принялась вытирать пыль с подоконника, стараясь восстановить дыхание и ничем не выдать волнения. Дверь распахнулась, и на пороге возник Матвей.

– Ты тут давно?

– Как вы уехали.

Матвей метнулся к столу, принялся лихорадочно перебирать бумаги и какие-то папки, заглянул во все ящики:

– Ты тут ничего не трогала?

– Я еще на столе не убирала, – как можно равнодушнее сказала Лелька, мгновенно поняв, что Матвей ищет тот самый блокнот, что сейчас лежал в ее кармане.

– Куда я его сунул... – пробормотал Матвей, роясь в небольшой тумбочке, стоявшей в углу кабинета.

– Вы потеряли что-то?

– А? Н-нет... наверное, в машине. Ты тут как следует убери. А ключ отдай Ивану, ну, тому, что на вышке сегодня.

С этими словами Матвей выскочил из кабинета, и Лелька перевела дух.

Наскоро закончив уборку, она спряталась во дворе за теми самыми шинами и снова взяла блокнот. До утра оставалось достаточно времени, и Леля, вместо того чтобы уйти в подсобку на диван и подремать хоть немного, принялась сопоставлять цифры в блокноте. Особенно ее интересовала та колонка, над которой значилось «Натка». Когда Леля сложила все цифры, у нее получилась совершенно астрономическая сумма – около полутора сотен тысяч. Вдруг она услышала быстрые шаги и затаилась, стараясь не выдать своего присутствия.

– Принесла? Давай сюда, – голос принадлежал Матвею. – Сколько?

– Десять. – Ага, это он с Динкой Самариной разговаривает.

– Почему только десять?

– Матвей... там всего двадцать пять было...

Раздался звук пощечины.

– Совсем оборзели, твари? Хочешь вслед за подружками отправиться? Могу помочь!

Динка заплакала:

– Матвей... ну, не надо... я отдам... вот, возьми...

– Вот так-то! И давай ищи замену девкам по-быстрому. И помни, если что – ты следующая. Мне проще из города шалав сюда привезти или вон из районного детдома набрать, их вообще никто не хватится.

Матвей ушел, а Динка, всхлипывая, шелкнула зажигалкой. Леля чувствовала себя ужасно – она стала невольной свидетельницей разговора, который лучше бы не слышать. Она поняла, что нужно спастись самой и по возможности выручать Динку – потому что только она может доказать в милиции, что Наташу убил не Сергей, а хозяин автокемпинга. Девушка решительно вышла из-за сложенных в горку шин и крепко схватила онемевшую от неожиданности и страха Динку за руку:

– Диночка, идем скорее отсюда. Поедем ко мне, пожалуйста.

– Лелька, ты? – выдохнула та с облегчением. – Напугала, черт...

– Динка, надо делать ноги. Я слышала, о чем вы говорили. Ведь это Матвей – Наташу, да? – Лелька просительно заглядывала в глаза Динки, но та старательно их прятала. – Дина... помоги мне, пожалуйста. Ты ведь знаешь, что это не Сережа Наташу убил! Так почему он должен полжизни в тюрьме провести?! За что?! Неужели тебе все равно?

Динка вдруг подняла глаза и зло выговорила:

– А меня пожалел кто-то?! Хоть раз, хоть кто-нибудь?! Да я с девятого класса на Матвея ишачу, такое повидала – ужас! Думаешь, мне здесь нравится?! А теперь Матвей грозит вообще убить!

– Ну так пойдем к дяде Гене, он поможет.

– Да кто мне поверит, Лелька?! Кто я – и кто Матвей? У него вся милиция куплена!

– Поверят. Я тебе помогу. – Лелька решительно двинулась в сторону дороги, увлекая за собой переставшую плакать Динку.

До дома участкового девушки добрались часа через два – пришлось идти пешком, и они, преодолевая страх, почти бегом двигались по темной обочине трассы. Дядя Гена почему-то не спал – в его доме горело окошко, с улицы виднелся силуэт хозяина, сидевшего за столом с какими-то бумагами в руках. Лелька решительно застучала в ворота. Во дворе зашелся лаем цепной пес, потом послышался звук открывшейся двери и голос участкового:

– Кого там по ночи носит?

– Дядя Гена, это я... Леля Горожанкина. Откройте, у меня дело срочное.

Участковый отогнал собаку и открыл ворота:

– Вы откуда это в такое время?

– Дядя Гена, мы знаем, кто убил Наташу и Юлю, – выпалила Лелька, не дав ему опомниться, и вытолкнула Динку вперед: – Рассказывай!

– Погодите, девчонки, пошли в дом.

Пока грелся чайник, Динка, постукивая зубами от холода и волнения, рассказала все, что знала.

В кемпинге Матвея давно творились криминальные вещи. Он набирал в горничные девчонок, которые, попытав счастья в городе, вынуждены были возвращаться домой несолоно хлебавши. Признаваться в поражении им было стыдно, а создавать видимость благополучной жизни в городе приходилось. Но для этого нужны деньги. И Матвей под угрозой разоблачения заставлял своих работниц обслуживать останавливавшихся в кемпинге дальнобойщиков, а заодно, если получится, выуживать у них деньги. Большую часть девушки отдавали Матвею, а он за это ухитрялся разруливать проблемы с обворованными клиентами без помощи милиции. Но Наташа взбунтовалась и научилась обманывать Матвея, говоря, что у клиента не было денег или он не был настолько пьян. Когда Матвей узнал об этом, то потребовал, чтобы Наталья отдала накопленное, но та уперлась и пообещала пойти в милицию. Тогда Матвей подкараулил Наташу, когда та возвращалась рано утром из кемпинга домой. Перед этим за ней заезжал ее парень Сергей, и они сильно поссорились на глазах у нескольких водителей и работ-

ников кемпинга. Сергей уехал домой один, и Матвей воспользовался этим, оставив все так, что улики указывали на Ряшенцева. И все бы ничего – если бы не попавшаяся на воровстве Юлька. Договориться с потерпевшим водителем Матвей не смог, и тот написал заявление в милицию. Динка сама помогала Матвею убрать Щепкину – именно она вызвала Юлю ночью во двор, а Матвей сделал все остальное, инсценировав самоубийство. Старую бабу Симу тоже убил он – чтобы не болтала лишнего. Со старухой оказалось куда проще – напоить ее и открыть печную задвижку...

Вывалив все это, Динка упала головой на стол и разрыдалась:

– Дядя Гена... меня теперь что – посадят, да?

Участковый молчал. Лелька вынула из кармана блокнот Матвея и положила на стол:

– Вот... тут все написано... а дома у нас деньги в медведе. Сорок тысяч. Видимо, те самые, что Наташа не отдала...

Назавтра прямо с утра Лелька кинулась в город, в СИЗО – участковый пообещал подействовать, чтобы ей разрешили свидание с Сергеем.

Сидя в небольшой комнате перед стеклянной стеной, за которой виднелся стул и телефонная трубка, Лелька дрожала от нетерпения – ей очень хотелось поскорее сообщить Сергею, что скоро он выйдет отсюда. Дверь открылась, и появился Сергей в сопровождении конвоира. Девушка сразу отметила, что он еще сильнее похудел, осунулся, казалось, даже рыжие волосы сделались тусклыми и не напоминали яркую шапочку жарка, что так нравилось Наташе.

Сергей сел, взял трубку, то же проделала и Лелька.

– Как ты оказалась тут? – не поздоровавшись, спросил он.

– Я приехала специально. Сережа, тебя скоро выпустят.

– Сказки пришла рассказывать? – почти враждебно бросил он, сжав пальцами трубку так, что они побелели.

– Сережа... не сердись, не надо. Так получилось, что я нашла того, кто Наташу... – она запнулась, не сумев выговорить слово «убил».

– Нашла? Ты? – удивление Ряшенцева росло с каждой секундой.

Сбиваясь и путаясь, краснея от волнения, Лелька наскоро пересказала ему все, что произошло вчера. С каждым словом Сергей мрачнел, а потом вдруг сказал:

– А ведь я знал это, Лелька. Знал... я просил ее, уговаривал – а она только фыркала – мол, разве ты можешь мне такие деньги давать? Нет? Ну и не лезь тогда. Мы ведь и в тот день поругались из-за этого. Я условие ей поставил – прекращай это, уходи от Матвея, уедем в город, работу найдем. А она... Она опять рассмеялась и сказала, что работать за копейки не собирается, а я, если чем недоволен, могу катиться. И ушла. Но я не трогал ее, Леля. Знал, какая она – а не трогал...

Он замолчал, глядя прямо в лицо отгороженной от него стеклом Лельки, – та молчала, раздавленная его словами. «Надо же – знал все, а не бросал... Зря Наташка с ним так...» – подумала она.

– Ну... теперь тебя выпустят. И еще... Сережа... просто чтобы ты знал – я никогда не верила, что ты мог... никогда...

Неожиданно для себя Лелька заплакала, бросила трубку и выбежала из здания СИЗО. Сердце колотилось, из глаз текли слезы, но в душе поселилось какое-то совсем новое чувство. «Он так на меня смотрел... так не смотрят на девушку, если только... Ой, нет! Нечего выдумывать! Зачем я ему?» – одернула себя девушка и решительно зашагала к автобусной остановке, на ходу вытирая платком мокрые глаза и разгоряченное лицо.

Эпилог

Матвея арестовали и осудили на пятнадцать лет. Суд учел показания Дины, но девушка все равно попала в колонию на три года. Сергея Ряшенцева отпустили, и он начал ухаживать за Лелей. Ее мама поправилась, и уже через полгода Леля Горожанкина смогла восстановиться в институте. Они с Сергеем подумывают о свадьбе.

Румба

– Я лечу, Кира-а-а! Смотри – я ле-чу-у-у!

Она боялась даже дышать, чтобы неосторожным дуновением воздуха не подтолкнуть его, стоявшего на обшитых деревом перилах балкона седьмого этажа. Все ее тело парализовал ужас, животный страх смерти – не своей смерти – его. «Не надо, Стасик... ну, пожалуйста, не надо!» – билось в голове, но вслух она не могла этого произнести.

На улице бушевало лето, в тихом ухоженном дворике цвели цветы, бережно высаженные местными старушками в разукрашенные автомобильные покрывала, листья дичек под балконами чуть пожелтели от зноя, а давно отцветшая сирень уже не выглядела такой нарядной и праздничной.

А Стас все стоял на перилах, балансируя руками, как крыльями... и вдруг начал двигаться по перекладине – бэк-бейзик... спиральный поворот влево... кукарача вправо... «Господи, это же румба... наша коронная дорожка... что же это, мамочки?» – помертвевшими губами прошептала Кира, а он продолжал исполнять вариацию под ему одному слышную музыку – недовернутый спиральный поворот вправо... и неожиданно оступился, оторвался и полетел, полетел вниз, навстречу мокрому серому асфальту...

Крик застрял в горле сухой коркой, и единственное, что смогла Кира, – это заставить себя шагнуть на балкон и посмотреть вниз, туда, где в центре моментально собравшейся толпы лежало то, что буквально секунду назад было родным ей человеком...

Собравшись с силами, Кира вышла из квартиры и медленно пошла вниз. Она понимала – все, торопиться некуда, Стас мертв – ведь не может выжить человек, упавший головой на бетонный бордюр тротуара. И еще почему-то из глубины подсознания выскочила юркой мышкой предательская и чудовищная в своей правдивости мысль: «А ведь так, наверное, лучше...»

Толпа во дворе гудела и перекачивалась, как небольшое озерцо. Молодые мамочки, старушки, проводившие все лето на скамейках у подъездов, бригада дорожных рабочих, перекалывающих во дворе асфальт, – все столпились вокруг распластанного тела худого длинноволосого юноши в стареньких джинсах и несвежей свободной футболке. Вокруг головы его расплылось темное пятно, руки неестественно вывернулись... И только глаза, остекленевшие голубые глаза на изможденном бледном лице казались еще живыми.

– «Скорую» бы надо... – нерешительно произнес кто-то из дорожников, но стоявшая ближе всех к голове парня маленькая старушка перекрестилась и проговорила:

– Нет, сынок, не поможет ему врач. Насмерть разбился парнишка...

– Парнишка! – фыркнула ее соседка, интеллигентного вида бабулька в старой потертой шляпке с маленькой вуалеткой и в кружевных митенках. – Наркоман проклятый! Вся нечисть с района к нему захаживала, притон устроили!

– Тс-с, тихо! Вон девица его идет, – шепнула ей на ухо худенькая девушка с розовощеким карапузом на руках.

Все как по команде повернулись в сторону вышедшей из подъезда Киры. Она брела к месту, куда упал Стас, не видя ничего вокруг себя, кроме темного пятна вокруг светловолосой головы. Толпа зевая расступилась, пропуская ее, Кира медленно опустилась на колени, словно подломилась, не вынеся тяжелого груза. Постояв так пару минут, она упала на спину Стаса и, закрыв глаза, обхватила его руками. Она не издала ни единого звука, не подавала признаков жизни – просто лежала, обняв мертвое тело. Вокруг тоже молчали. Даже та старушка в шляпке и перчатках, что всего пару минут назад с осуждением говорила о Стасе, замолчала и, вынув из потрескавшегося от времени лакового ридикюльчика платочек, поднесла его к заслезившимся глазам.

Дальнейшее Кира помнила плохо – то, как подъехали милиция и «Скорая», а за ней и перевозка. Тело Стаса упаковали в целлофан и положили в салон серой «таблетки», словно толкнули в раскрытый голодный рот злобного чудовища. Дверцы машины захлопнулись, отрезав Киру от Стаса навсегда. Она даже не почувствовала, как врач сделал ей укол, как соседки под руки увели ее в квартиру, не отреагировала на то, что сотрудник милиции взял со стола паспорт Стаса. Ее охватило безразличие, а внутри появилось единственное желание – лечь и уснуть. Уснуть надолго, а еще лучше – навсегда. Потому что завтрашний день не принесет облегчения, а добавит новых проблем с похоронами. А потом придут люди, которым Стас должен деньги... Был должен. Но их вряд ли удовлетворит известие о его смерти – деньги все равно придется отдать, но сделать это теперь вынуждена будет она, Кира. Потому что иначе они ее убьют.

Кира Глазунова и Стас Стахновский переехали в Москву три года назад из небольшого сибирского города. Они не были мужем и женой, не были даже любовниками. Молодых людей связывало нечто более значимое, по их мнению, – партнерство в бальных танцах. Сильные «латинисты», которым уже нечему было научиться у своего тренера, они приняли обоюдное решение перебраться в столицу и продолжить занятия там. Двое восемнадцатилетних танцоров сперва растерялись в большом городе, однако постепенно сумели найти и жилье, и клуб, в который их согласились взять на работу, чтобы не просить денег у родителей и иметь возможность самим оплачивать свои тренировки и проживание. Стас танцевал в ночном клубе, а Кира...

Кира сначала тренировала пару малышей в том же ансамбле, где занимались они со Стасом, но потом руководитель предложила ей другое.

– Знаешь, Кирочка, я хочу тебя кое с кем познакомить, – сказала Алла Петровна как-то после занятий, когда Кира обессиленно сидела в раздевалке, не в состоянии даже снять гетры.

– С кем? – равнодушно спросила девушка, прикидывая в уме, сколько денег у нее осталось до понедельника, когда на занятия придут ее ученики.

– Понимаешь, Кирочка... есть один юноша... Он очень хочет танцевать, более того, он танцевал раньше, но потом... Словом, это долго рассказывать. Но если ты согласна с ним поработать, его отец готов платить тебе в три раза больше того, что ты берешь со своих учеников сейчас.

«Интересно, а сколько я должна буду отдавать Алле за услугу?» – машинально прикинула в уме Кира. Обычно «аренда», как здесь это называли, составляла шестьдесят процентов. «Ай, да какая разница! Разве помешают лишние деньги? Стасу нужна новая рубашка, мне бы платье подновить, да и камни Сваровски стоят почти сорок рублей штука – а нужно их на платье целую гору...»

– Хорошо, Алла Петровна. Когда он сможет прийти?

– Вот и умница! – заворковала руководительница. – Я сейчас позвоню и договорюсь на завтрашний вечер – хорошо? Тебе ведь удобно?

– Да, я работаю днем, а вечером свободна.

Эту встречу Кира потом вспоминала часто – настолько сильным оказалось потрясение. Она приехала в клуб ровно к семи часам, как и было уговорено. Малый паркетный зал оказался пуст, а из-за закрытой двери большого доносились звуки детской «латины» – работала младшая группа. Кира поднялась по лестнице в кабинет Аллы Петровны, подергала дверь, но та не поддавалась.

– Кирочка, это ты? – раздался голос руководительницы из малого зала.

– Да, я.

«Странно, как я ее там не увидела – за зеркалами, что ли, была?» – подумала Кира.

– Спускайся к нам.

Кира легко и грациозно пробежала вниз, толкнула дверь малого зала и остолбенела прямо на пороге. Рядом с улыбающейся Аллой Петровной стоял высокий хмурый мужчина с короткими седыми волосами, облаченный в черный костюм и серую рубашку, а чуть в стороне от них в инвалидном кресле сидел невероятно красивый парень лет двадцати. Ног у парня не было...

– Ну, что ты замерла там, Кирочка? Иди к нам! – позвала Алла, и Кира с трудом заставила себя подойти и пробормотать приветствие. – Вот, познакомься. Это Николай Иванович, твой, так сказать, работодатель. А это Вадим, его сын. Ну а это, – она обняла Киру за плечи и развернула лицом к мужчинам, – это наша Кирочка Глазунова, чемпионка Сибирского округа по латиноамериканской программе, да и вообще замечательно способная девушка.

– По «латине»? – раздраженно переспросил глуховатым голосом Николай Иванович. – Но ведь мы обговаривали, Алла Петровна, что нужна стандартистка.

– Ну, Кирочка и стандарт танцует, так что проблем нет.

– А я, может, «латину» хочу, – раздался голос молчавшего до сих пор Вадима. Он уперся руками в колеса, оттолкнулся и подъехал к Кире. – Ведь можно же и «латину» танцевать в коляске, правда? Румбу?

Кира совсем растерялась. Она не ожидала, что ее партнером станет парень без ног, Глазунову смущал этот видимый дефект, да и суховатый и недовольный тон отца тоже пугал.

– Д-да, – с запинкой проговорила она, стараясь не фокусировать взгляд на пустых брючинах Вадима, подвернутых под культи. – Разумеется... но только...

– Что? – Вадим осторожно взял ее за руку и сжал. – Ты думаешь, что раз я без ног, то ритма не чувствую, что ли? Я в свое время до «зондера»¹ по «латине» дотанцевал.

– Дело не в этом... просто я не уверена, что смогу... я никогда...

– Да понял я, понял! – перебил Вадим. – Ты прежде никогда не танцевала с колясочником и боишься, что потратишь время зря. Не переживай, я не готовлюсь к чемпионату мира, я просто хочу продолжать танцевать – пусть и так, в коляске. А время твое отец оплатит – да, пап?

– Разумеется, – уже более спокойно отозвался Николай Иванович. – Лишь бы ты был доволен.

– А я уже доволен, – бодро заявил Вадим, взяв совершенно растерявшуюся от такого напора Киру за вторую руку и начиная кружиться вокруг нее, ловко управляясь с креслом. – Так как? Будем румбу танцевать?

Кира заставила себя взглянуть ему в лицо и увидела, с какой надеждой смотрят на нее карие глаза и какая улыбка трогает тонкие, твердо очерченные губы Вадима.

– Да, будем, – сказала она, решившись, и новый партнер вскинул в победном жесте обе руки:

– Есть! Согласилась! Значит, так – давай прямо сегодня начнем, раз уж я все равно здесь, а потом мы тебя повезем домой, и по дороге папан тебе все объявит – расценки там, периодичность оплаты – годится? Или у тебя какие-то свои пожелания есть?

– Да, в общем, нет. Мне только нужно переодеться.

С того дня прошло почти четыре с половиной года, но Кира ни разу не пожалела о своем решении. Заниматься с Вадимом оказалось легко, сложнее – привыкнуть к тому, что не все фигуры можно исполнить, танцуя с колясочником. Однако жизнерадостность и чувство юмора Вадима компенсировали все. Кира порой удивлялась – насколько нужно быть сильным человеком, чтобы не стать моральным инвалидом и не замечать своего физического увечья. Кроме того, Кира видела, что небезразлична Вадиму и как девушка, а не только как партнерша. Он

¹ Sonder-class, или класс S – второй по высоте класс в латиноамериканской программе.

иногда приглашал ее в кафе после тренировки, и Кира соглашалась. Вадим мог увлекательно рассказывать о чем угодно – от прочитанной недавно книги до новой компьютерной игры. Иногда он делал ей какие-то милые подарки вроде хрустальной балеринки или букетика первых подснежников, и Кира долго хранила цветы засушенными в книжке. С каждым днем она проникалась к своему удивительному партнеру все более глубоким чувством.

Сколько раз Вадим давал Кире советы по каким-то мелким вопросам, связанным с жизнью в столице, помогал разбираться во все чаще возникавших проблемах со Стасом... Да, Стас...

С ним происходило что-то неладное, чего Кира никак не могла объяснить. Сперва она решила, что Стасик завел себе девушку, а потому стал прохладнее относиться к работе, мог прогулять тренировку, возвращался из ночного клуба какой-то взбудораженный и сразу уходил в свою комнату, запирался там. К нему стали заходить какие-то странноватые люди, а в квартире после их визитов оставался непривычный запах медикаментов. Однажды Кира, убирая кухню, нашла за мусорным ведром шприц.

– А, это Венька себе инсулин колот, – объяснил Стас, сидевший тут же за столом. – Он диабетик, сам себе уколы делает.

Венька, или Веник, как звали его приятели, был танцором в том же ночном клубе, где работал и Стас. Кира даже пожалела больного парня, но когда вечером рассказала об этом Вадиму, тот как-то напрягся:

– Шприц? Инсулиновый?

– Да, а что?

– А Стас ходит странный, разбитый и зрачки узкие?

– Ну, бывает... да в чем дело-то?

– Слушай, Кира, а тебе есть куда переехать? – неожиданно спросил Вадим.

– Переехать? Да зачем? – не могла понять девушка.

Вадим подкатился к ней вплотную, взял ее руку в свои и уставился в лицо:

– Кира... неужели ты не понимаешь? Ведь твой Стас – наркоман. И Веник этот, и все остальные – наркоманы они, и к вам в квартиру ходят, чтобы дозу принять. Тебе нужно отсюда уходить.

– Вадим, ты говоришь ерунду! – вспыхнула Кира, вырывая руку. – Я Стаса знаю с шести лет, мы с ним с первого дня в паре стоим, мы уже роднее, чем брат с сестрой! Не может он!

– Ну да, конечно, – грустно усмехнулся Вадим, поглаживая обод колеса. – Я вот тоже всегда говорил – мой папа не такой... – И он осекся, быстро взглянул на Киру исподлобья, но та не обратила на это внимания, погруженная в свои мысли и немного рассерженная на него за Стаса.

Однако мысль, высказанная Вадимом, заставила ее присматриваться к Стасу и его друзьям чуть внимательнее, чем прежде. Они с партнером договорились сразу, что не лезут в жизнь друг друга, живут в свободное время так, как хотят, совместные расходы записывают и в конце месяца делят пополам, убирают кухню, санузел и коридор по очереди, а в своей комнате каждый наводит порядок сам. Ну и, разумеется, никаких комментариев по поводу гостей и приятелей. До сих пор все шло нормально, и совместное проживание устраивало обоих, но теперь Кира начала сопоставлять кое-какие свои наблюдения и пришла к выводу, что Вадим, скорее всего, прав. Но верить в это не хотелось.

«А я вот возьму и спрошу у Стаса напрямик, – решила Кира. – Мы ведь с детства вместе, он должен мне все рассказать!»

Оказалось, что предвидеть реакцию Стаса она не смогла... Молодой человек метался по кухне и кричал так, что закладывало уши.

– Да как тебе такое в голову пришло?! Как ты только могла... да кто ты мне?! И вообще... не нравится что-то – так вали отсюда, я тебя не держу!

– Стас, Стасик, успокойся, я же только спросила... – лепетала Кира, удивленная и испуганная его поведением.

– Спросила! А кто тебе дал право спрашивать?! Не лезь в мою жизнь, поняла?! – с этими словами Стас схватил свою куртку, задержался буквально на пару мгновений в коридоре и выбежал из квартиры.

Ночевать он не пришел, и Кира всю ночь чувствовала себя виноватой. Утром, собравшись на тренировку, она полезла в сумку и не обнаружила кошелек. «Странно, я же хорошо помню, как вчера его убирала. Николай Иванович отдал мне деньги за пять уроков, я сложила их в отделение на замке, застегнула и убрала в сумку. Потом в магазине я рассчиталась за продукты и снова положила кошелек вот в этот кармашек...»

Расстроенная пропажей денег Кира достала несколько купюр из конверта, где хранила основные сбережения и который держала под бельем в комоде, сунула их в карман и поехала в клуб.

Стас был уже там, разминался, пробуя шаги. Вид его Кире не понравился – черные круги вокруг глаз, напряженные пальцы взлетающих над головой в пируэте рук ощутимо дрожат, лоб покрыт испариной, а темно-синяя футболка с длинными рукавами взмокла на спине от пота, да и вообще она не первой свежести, чего прежде аккуратный Стас себе не позволял.

Наскоро переодевшись, Кира вышла на паркет, встала в пару, стараясь сделать вид, что ничего не произошло. Работали молча, только дыхание Стаса становилось все тяжелее, а сердце колотилось так сильно, что Кира чувствовала это, прижимаясь к груди партнера руками.

– Стас, тебе плохо?

– Заткнись, – процедил он сквозь сжатые зубы, и лицо его искривилось в страдальческой гримасе. – У тебя деньги есть?

– Что?

– «Что, что!» Деньги, говорю, есть у тебя? Мне срочно надо... я отдам вечером...

Кира потрясенно молчала. Значит, Вадим оказался все-таки прав. Она прекрасно понимала, для чего партнеру нужны деньги, но верить в реальность происходящего не хотела. Денег было не жаль – но ведь это только начало, стоит уступить ему хоть раз – и все, он будет постоянно прибегать к ее услугам... А ведь и кошелек тоже он мог взять... Понимая, что сейчас не самый удачный момент для выяснения отношений, Кира все же спросила:

– А разве то, что было в моем кошельке, ты уже потратил?

Стас дернулся, глаза на мгновение стали затравленными, но он быстро взял себя в руки и обиженно проговорил:

– Не стыдно, а? Столько лет вместе – и ты меня обвиняешь в том, что я у тебя кошелек стянул?

– Ну, не стянул так не стянул, – вздохнула Кира, без труда догадавшись, что это тоже вранье.

– Ну, Кир... – сменил тон Стас. – Кирюш... ты займешь мне денег до вечера, а? Я работаю и верну. – Он сел рядом с ней на паркет, погладил по руке. – Кир... мы ж всегда хорошо ладили, а?

– Стасик, мне не жаль денег – я могу все тебе отдать... дело в другом... ведь ты же умрешь от этого...

Он неожиданно обнял ее за талию, спрятал лицо в складках черной тренировочной блузки:

– Кир... я брошу, правда! Вот увидишь... брошу – завтра... а сегодня мне надо, понимаешь? Ломает меня...

Кирино сердце защемило от жалости, она гладила длинные светлые волосы Стаса и бормотала что-то, капая слезами себе на руки и ему на макушку.

– Ведь можно же лечиться... сейчас все лечат...

– Да... я буду, Кириш... вот завтра и пойду. А сейчас... – Он поднял голову и просительно посмотрел ей в глаза.

Кира понимала, что не должна этого делать, не должна давать ему денег, но и отказать тоже не могла...

Разумеется, завтра Стас никуда не пошел, и послезавтра, и через месяц... Все продолжалось вплоть до того яркого июльского дня, когда Стас шагнул с перил вниз... Кира знала причину – буквально за неделю до случившегося он признался ей, что должен крупную сумму денег одному торговцу героином, а отдавать ему нечем. В последнее время Стас приторговывал в ночном клубе, и за это ему иногда перепадало кое-что, однако в этот раз его кинули, и не кто-нибудь, а Веник, дружок Веник, посадивший его на героин. Тот сказал, что нашел оптовика, которому можно сдать всю партию сразу, однако оптовик обманул их и заплатил фальшивыми долларами. Веник куда-то пропал, и ему, Стасу, тоже не поздоровится. А теперь вот, значит, и Кире тоже...

Она проснулась от резкого стука и решила, что это хозяйка, которой явно уже кто-то позвонил и сообщил о гибели жилья. Надев халат, девушка подошла к входной двери и, накинув цепочку, приоткрыла. В тот же момент ее словно волной отнесло в расположенную прямо напротив входа кухню. Кира упала на пол, больно ударившись локтем о ножку стола, а в квартиру ввалились двое незнакомых мужчин. Один из них аккуратно закрыл дверь, на которой болтались обрывки цепочки, а второй шагнул к Кире, поднял ее на ноги и толкнул на табуретку.

– Здравствуй, дама, – проговорил он, усаживаясь напротив. – А где Стасик?

– Вы кто? – шепотом спросила она, машинально закрывая воротником халата горло.

Сидящий напротив мужик усмехнулся, продемонстрировав металлические зубы, а второй, загородивший собой вход в кухню, фыркнул и выматерился.

– Погодь, Бахча, не шуми, – скривился железнозубый. – Видишь – обалдела телка. Я еще раз спрашиваю – Стасик-то где?

– Он... его... его нет... больше... – пролепетала испуганная насмерть Кира, и лицо железнозубого выразило удивление:

– Не понял... что значит – нет больше?

– Он... он вчера... с балкона... – И она расплакалась, забыв, что находится одна в квартире с двумя явно не дружелюбными незнакомцами.

– Погодь, не реви, – пробасил тот, которого называли Бахча. – Толком говори, что случилось.

Сбиваясь и захлебываясь слезами, Кира рассказала о том, что произошло вчера. В кухне стало тихо, только часы над холодильником тикали, мерно отсчитывая секунды.

– Да-а, ситуация... – протянул железнозубый. – И что теперь делать? Как я хозяину скажу, что должник его того... лапы склеил? А ты кто ему будешь-то? Жена?

– Н-нет... я... мы... я его партнерша... по танцам... бальным... – пробормотала Кира, всхлипывая, и мужик хмыкнул:

– Танцоры, значит? Ну-ну... Только это... слышь чего, дама... мне ваши страсти-то по барабану. А бабки хозяйин требует вернуть.

– Но я же не брала...

– А это уже твои подробности. Стасик твой взял. Да еще и кинуть нас хотел – героин где-то притырил, денег не отдал и кента своего подставил. А это вообще уже запахло, дама. И у тебя теперь два выхода – либо вернуть нам героин, либо отдать за него деньги.

– Какой... какой героин? – в испуге отшатнулась Кира, больно стукнувшись головой о стоявший за спиной холодильник.

– Ты че – совсем тупая или прикидываешься? – зло спросил Бахча. – Героин, который твой Стасик взял на реализацию!

– Не лезь, я сказал! – повторил железнозубый, нетерпеливо махнув в его сторону рукой, но Бахча не отреагировал, продолжая напирать на Киру:

– Ишь, строит тут из себя овцу! Хорош с ней базарить, Дантист! Не видишь, она время тянет, прикидывает, как соскочить!

– Я же тебе сказал – захлопни поддувало! – рявкнул потерявший терпение Дантист и ударил по столу кулаком.

Кира вздрогнула, а со стола упала сахарница, раскололась на две части, засыпав белыми кристаллами зеленоватый линолеум. Бахча замолк, но по-прежнему зло поглядывал в сторону сжавшейся на табуретке девушки. Дантист о чем-то думал, рассматривая осколки посуды и рассыпавшийся вокруг сахар. Тишина в кухне становилась давящей, разрывающей виски, Кира чувствовала, как от сковавшего страха ее сердце начинает биться все реже. Такого противного ощущения она никогда прежде не испытывала. Наконец Дантист принял какое-то решение, разгладил ладонью собравшуюся клеенчатую скатерть и проговорил, глядя на девушку:

– М-да, ситуация... Значит, так порешим пока. Даю тебе три дня, подумай хорошенько, может, чего и вспомнишь. Я не верю, что твой Стасик скрыл от тебя такие бабки. Ты глаза-то на меня не выкатывай, не люблю я этого. Так вот – сроку три дня, вот моя визитка, позвонишь. Ну, насчет ментов не предупреждаю, думаю, что это лишнее, ты, похоже, девочка неглупая.

Он порылся в кармане светлых брюк и бросил на стол маленькую карточку. Кира не отреагировала, оглушенная неожиданно свалившейся информацией, а посетители покинули квартиру, аккуратно прикрыв за собой входную дверь.

Сколько времени она провела в кухне в оцепенении, Кира не знала, очнулась от звонка мобильного телефона. Это оказался Вадим. Сегодня у них назначена была тренировка, девушка совершенно забыла о ней, а надо было позвонить и отменить занятия.

– Кирина, привет! – голос Вадима звучал радостно, и это показалось Кире неуместным, но она себя одернула – ведь он же не знает о том, что случилось со Стасом.

– Здравствуй, Вадим.

– За тобой заехать? Мы выезжаем через час, можем тебя подхватить.

– Вадим, я хотела извиниться... я... у меня... – забормотала Кира и расплакалась.

– Что случилось? – сразу насторожился он. – Кирюша, не плачь, говори толком!

Толком сказать она не могла, рыдания душили, и Кира отключила телефон, упала прямо на пол, засыпанный сахаром. Только сейчас до нее, наконец, дошло, что она осталась совершенно одна, да еще и с такими проблемами. Как бы то ни было, они со Стасом стали почти родными людьми за долгий срок работы в паре, делились всем, вместе радовались, вместе огорчались, и вот теперь Стаса нет, а она есть. «А лучше бы, чтобы и меня не было, – отрешенно думала Кира, перестав рыдать. – Так проще – раз, и все, и нет никаких Дантистов, никакого героина... ничего вообще нет... ничего... Это ведь я виновата, наверное. Я слишком мало разговаривала со Стасом, слишком мало интересовалась, чем и как он живет. Мы превратились просто в соседей по квартире... Господи, как же я могла?..»

– А чего это у тебя дверь открыта? – вдруг раздался голос Вадима, и Кира вздрогнула всем телом, очнулась и села на полу, глядя на то, как два охранника вносят в квартиру коляску с ее партнером.

В маленькой прихожей сразу стало тесно, Вадим нетерпеливо махнул рукой, и охранники прошли в комнату Киры, а он сам подъехал к кухне и удивленно уставился на сидящую на полу девушку.

– Ты чего это в сахаре валяешься? Новую маску для тела изобрела? А Стас где? Спит, поди?

Кира молчала. Рассказывать о гибели Стаса во второй раз за утро было не в состоянии. Но Вадим был единственным, с кем она могла поговорить о своей проблеме. Конечно, этот красивый, душевный, но, к сожалению, совершенно беспомощный парень ничем не мог ей помочь – разве что выслушать и посочувствовать... А это сейчас было как раз то, что нужно.

Однако Кира ошиблась... Когда, сев рядом с коляской Вадима на пол и положив подбородок на его колено, она принялась рассказывать о том, что случилось, парень неожиданно напрягся, вцепился пальцами в ободья колес и помрачнел. Когда же Кира замолчала, нервно облизнув пересохшие губы, Вадим вдруг решительно встряхнул ее за плечо и приказал:

– Забери свои вещи – все, что есть, – и идем отсюда, – и, видя, что Кира продолжает сидеть на полу, крикнул: – Слава, Серега, помогите девушке собраться! Она с нами едет.

Кира не могла поверить своим ушам, что значит – едет с ними? Куда? Зачем?

Охранники Вадима меж тем молча и быстро сбрасывали в чемодан и большую клеенчатую сумку-«китайку» вещи из старого шифоньера.

– Вадим...

– Все, молчи! – велел он, крепко держа ее за руку. – Нельзя тебе тут оставаться, это опасно, как ты не понимаешь? Те, кому Стас был должен деньги, не остановятся – им все равно, что ты ни при чем. А я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Переодевайся, не в халате же ехать.

Она подчинилась, как во сне взяла со стула джинсы и яркую лимонную майку с эмблемой танцевальной фирмы, прошла в ванную и переоделась. Когда она вышла, все было собрано и упаковано, даже ее косметика.

Кира оглядела вмиг опустевшую комнату, прихватила со столика у зеркала хрустальную балеринку, подаренную когда-то Вадимом. Сам он курил у окна, рассеянно глядя на улицу. Охранники уже унесли вещи вниз, вернулись и привычно подняли инвалидную коляску. Кира последовала за ними, закрыла дверь и подумала, что нужно как-то сообщить хозяйке о своем отъезде. Вадим словно ее услышал:

– Отдай ключи соседке. Ты ведь ничего не должна за квартиру?

– Мы платили за полгода вперед...

– Ну, вот и отлично. Отдай ключ, и идем.

Не понимая, почему это делает, Кира подчинилась и позвонила в ближайшую дверь. Соседка только хмыкнула, сунула ключ в карман застиранного халата и пристально оглядела Вадима в инвалидном кресле и стоявших рядом охранников. На лице ее отразилось любопытство, но ничего сказать она так и не осмелилась.

Нестерпимый зной окутал Киру сразу же, как только она вышла из подъезда вслед за охранниками, аккуратно опустившими кресло с Вадимом на асфальт. Чуть правее от места, где сейчас стояла инвалидная коляска, вчера лежал Стас... Ночью шел дождь, и темного пятна на асфальте уже не было – все следы смыла вода. Если бы так же просто, как след крови, можно было смыть то, что творилось в душе Киры...

Вадим осторожно взял ее за руку, и девушка вздрогнула.

– Кирика... я понимаю, но... уже ведь ничего не исправишь. А Стас рано или поздно все равно бы закончил чем-то вроде этого... Может, ему еще повезло – что быстро и сразу, а не в мучениях.

Кира смахнула с ресниц слезы, заморгала часто-часто, чтобы не расплакаться. Вадим ободряюще погладил ее руку, сжал ее, потом оттолкнулся свободной рукой и покатился к машине, увлекая за собой и Киру.

– Вадик... а куда ты везешь меня? – спросила она уже в машине, и Вадим усмехнулся:

– К себе – куда же еще.

– Ты... да ты что?! Я не могу!

– Можешь. Куда ты пойдешь, а? Новую квартиру искать? Зачем? Мы с отцом живем вдвоем, дом огромный, места хватит. И прекрати сомневаться.

Вопрос о том, где же мать Вадима, уже давно волновал Киру, но спросить она так и не решалась, не было подходящего случая. Сейчас же она почувствовала, что может поинтересоваться.

– Вадик... а... почему вы живете вдвоем?

Молодой человек помолчал, глядя в окно на пробежавшие мимо машины, вздохнул, потер переносицу и сказал:

– Потому что мама погибла шесть лет назад. И погибла из-за... – он запнулся на мгновение, но потом вдруг словно решил для себя что-то и продолжил: – А-а, все равно узнаешь. Она погибла из-за отца. И я из-за него – такой.

– Как... как – из-за него? – выдохнула Кира, схватившись непроизвольно за ногу Вадима и ощутив под рукой пустую брючину.

– А вот так, Кирина... Батя-то мой в прошлом был очень непростой товарищ... Ну а на каждого непростого находится кто-то более сложный. Слышала – «против лома нет приема – если нет другого лома»? Ну, вот – и против папашки моего другой нашелся.

– Я не понимаю...

– Да что тут понимать – перешел отец дорожку одному очень крутому дяде. Делиться не захотел. У дяди было другое мнение. Ну, вот и решил он одним махом все разрулить. Нанял человека, тот сел в засаду на дороге из поселка. Да только в тот день на папиной машине мы с мамой в город на тренировку поехали... маму сразу насмерть... а мне обе ноги оторвало и колени раздробило так, что пришлось выше ампутировать. Вот и все. Деньги папаша отдал – да что толку? Маму не вернешь... и я... – Вадим скривился, тяжело вздохнул и добавил: – Я как раз к турниру готовился в Европе...

– Вадик... прости...

– Да брось – шесть лет прошло, я уже привык. А тогда... ты бы знала, что со мной было, когда я от наркоза очнулся и ног не увидел... веришь – два раза с подоконника снимали, я на руках доползал... Потом отец догадался охрану приставить...

Он замолчал, отвернулся, как будто хотел спрятать от Киры неожиданно вырвавшиеся наружу чувства. Она не привыкла видеть Вадима не только таким подавленным – даже просто грустным, без обычной открытой улыбки. В очередной раз Кира поразила его силе воли и твердому характеру – суметь не погрузиться в свое несчастье, не плыть по течению, жалуясь на судьбу, а карабкаться, идти вперед, пусть даже не на ногах, а вот так – в кресле. Он ухитрялся еще и ее поддерживать в трудные моменты – например, как сейчас, взял и все решил за нее.

– Вадик...

– Помолчи пару минут, Кирина... пожалуйста...

Она замолчала, даже отодвинулась к дверце, чтобы не мешать ему, не вторгаться больше в душу – и так вон что натворила, сама не ожидала...

Кира задумчиво смотрела в окно на убегающие деревья и думала. Она не понимала, зачем и куда едет. Чужой дом, чужие люди... что ждет ее там? Она побаивалась отца Вадима, за все время, что они занимались танцами, Кира общалась с ним всего несколько раз, и теперь возникнуть вот так, на пороге дома с сумками и кучей проблем... «А может, плюнуть на эту Москву и уехать домой? Работу можно найти и там, в родном клубе меня возьмут, а что? Я добилась высокого уровня, опять же – участие во многих международных конкурсах, занятия у хороших педагогов... В самом деле – разве только и свету, что в столице?»

Решение созрело, но теперь Киру мучил другой вопрос – как сказать о нем Вадиму. За эти годы она искренне привязалась к своему необычному партнеру, относилась к нему с симпатией и уважением, ценила его заботу, и теперь ей очень не хотелось его обижать. Но как, как жить в чужом доме, в качестве кого? Персональный тренер? Ха-ха...

– Вадик... Вадик, пожалуйста, вели остановить машину, мне нужно серьезно с тобой поговорить, – набравшись решительности, попросила она, коснувшись руки Вадима.

Тот удивленно вздернул брови:

– Что случилось?

Но Кира твердила как заведенная:

– Вадик, пожалуйста, я прошу тебя – выслушай меня.

– Хорошо, – сдался Вадим, не вполне понимая, что происходит. – Саша, останови машину. И погуляйте пять минут.

Машина замерла на обочине, охранники и водитель вышли, а Вадим, развернувшись к Кире, вопросительно посмотрел ей в глаза. От этого взгляда у Кире внутри что-то заняло – никогда прежде он не смотрел на нее так...

– Понимаешь, Вадим... я... словом, я решила ехать домой, – выпалила она.

– Не понял... Куда – домой?

– Домой. В свой город.

– Кира, погоди, я не понимаю... Что значит – ты решила? А я? Как же я?

– Что?

– Ты хочешь меня бросить? – в голосе Вадима послышалась какая-то новая интонация. Он нервно закусил губу, забарабанил пальцами по подголовнику переднего сиденья.

– Вадик, пойми... ну, что меня ждет дальше? Стаса нет... я осталась одна, что мне делать здесь, в чужом городе, без прописки, без партнера?

– А я? – повторил Вадим. – Разве я – не твой партнер?

– Вадик, это... это другое, понимаешь?

– Да. Отлично понимаю, – вдруг жестко ответил он. – Понимаю. Даже наркоман Стас, подставивший тебя, и тот для тебя больше значит.

– Вадик... – простонала Кира, хватаясь за голову. – Ну, как мне объяснить тебе? Как объяснить, что после всего, что я сейчас узнала, я просто не могу свалиться на голову твоему отцу со своими проблемами? Кто я ему? Зачем ему все это? Еще неизвестно, как вообще все закончится...

Вадим грустно улыбнулся, протянул руку и потрепал ее по волосам:

– Глупая ты, Кирилка. Это ты ему никто. Пока. А мне...

– Вадик, не надо, – выдохнула она, поняв, какая фраза сейчас последует. Именно этих слов она и боялась, хотя прекрасно видела отношение к ней Вадима.

– Почему – не надо? Потому что я инвалид?

– Нет, что ты? Зачем ты? Дело не в этом... Просто...

– Просто – что? Почему ты бежишь от меня?

– Я не от тебя бегу... я бегу от проблем...

– От этих проблем ты не убежишь и не спрячешься. Они найдут тебя везде, даже в твоей Сибири, Кира. А папа может помочь. Сделаем так – мы сейчас все-таки доедем до дома и поговорим с отцом. Потом, если ты решишь уехать, я отвезу тебя на вокзал. Но поверь – лучше тебе остаться. И все, закончим этот разговор.

Открыв окно, Вадим окликнул охранников. Они быстро сели в машину, и та тронулась с места.

До самого дома они молчали. Кира боялась поднять глаза и сосредоточенно изучала коврик под ногами, Вадим смотрел в окно и о чем-то думал.

Разговор с Николаем Ивановичем оказался коротким, но эффективным. Тот подробно выпросил у девушки, как выглядели и что говорили приходившие к ней люди, помолчал пару минут и велел Кире идти наверх, в уже приготовленную для нее спальню.

– Из дома не выходи. Будь все время на глазах.

Кира молча кивнула и ушла, а Николай Иванович повернулся к сыну и чуть заметно усмехнулся:

– Что, Вадюха, вот она какая, любовь-то?

– Ты считаешь, что я не могу заинтересовать девушку?

– Отчего же? Можешь. И интересуешь, насколько я вижу – она ведь не за себя, она за то переживает, чтобы нам с тобой проблем не устроить, а это ценно в наше-то непростое время.

– Ты поможешь ей?

Николай Иванович помолчал, покрутил в руках трубку, которую уже несколько минут собирался раскурить, но так и не успел, потом вздохнул и проговорил:

– Чем я могу ей помочь? Наркотики, сынок... За это убивают.

– Но ведь не она брала эти наркотики! – возмутился Вадим.

– Дилеру все равно. Ему либо деньги, либо товар. А кто брал – неважно.

– Папа, что мне делать? Я не могу позволить ей уехать, не могу ее потерять – она слишком много для меня значит...

– Ну, самое простое – отдать деньги и забыть об этой истории.

– У нее нет таких денег.

– Я разве сказал – у нее? У меня. Я верну долг и решу эту проблему – но лишь потому, что не хочу потерять тебя. Только пообещай, что Кира не узнает.

– Папа... спасибо тебе, ты даже не представляешь... – Вадим слегка задохнулся, и отец снова усмехнулся:

– Да лишь бы ты был счастлив, Вадюха. Я и так... – Он смешался, отвернулся от сына, и тот понял, что пора убираться из кабинета, чтобы не ставить отца в неловкое положение и не бередить старую рану, оставшуюся после гибели матери.

Дождавшись, пока сын покинет кабинет и закроет за собой дверь, Николай Иванович набрал телефонный номер и сказал одну-единственную фразу:

– Дантист, от подружки танцора держаться подальше, это приказ.

Через неделю Кира впервые отправилась в клуб. Звонок Аллы Петровны озадачил ее. Руководительница предложила им с Вадимом участие в турнире по бальным танцам среди колясочников.

– Приезжай срочно, Кирочка, посмотри приглашение, и вместе подумаем, что сможем изменить в программе.

– Но я же должна еще с Вадимом обсудить...

– Потом-потом, – зачастила Алла. – Все потом, сейчас мне нужна ты.

Разговор в клубе был коротким, Аллу Петровну словно подменили. Она решительно заявила о том, что участие пары в подобном турнире очень престижно для клуба, мол, это только поднимет имидж коллектива и даст новый толчок для развития.

– Ты просто подумай, какая перспектива! – возбужденно тархтела руководительница. – Это сразу привлечет к нам в клуб и детей, и, возможно, спонсоров.

«С волшебного слова «спонсоры» и надо было начать», – с неожиданной злостью подумала Кира. Спонсоры в бальных танцах на вес золота, да и вообще мало людей, готовых вложить свои кровные в чужих детей.

– Хорошо. Мы выступим, – ответила она вслух и встала. – Я могу идти?

– Да, конечно. И еще... Ты убрала бы кофр Стаса из раздевалки... Ребята расстраиваются...

Известие о самоубийстве Стахновского вызвало много пересудов в клубе, Алла Петровна не знала подробностей, а Кира молчала, и никто не решался выпрашивать у нее обстоятельства произошедшего. Но черный кофр с костюмами, по-прежнему висевший на крючке в раздевалке, заставлял всех танцоров постоянно думать о Стасе.

– Да, конечно, заберу.

Кира прошла в раздевалку, разложила кофр прямо на полу, чтобы застегнуть «молнию», и, коснувшись рукой рукава рубашки для «латины», расплакалась. Вещи Стаса снова вернули ее в то ясное солнечное утро, когда он исполнил свою последнюю румбу на перилах балкона.

– Стасик, что же ты наделал... ну разве же нельзя было жить без этого? Ведь все так удачно складывалось...

Поплакав всласть, Кира вытерла глаза салфеткой, найденной в кофре, машинально расправила фрак и белую рубашку, потянулась рукой к карману для обуви, чтобы застегнуть его, и вдруг с удивлением отметила, что набойка каблука у одного ботинка почему-то надорвана. «Странно... мы эти туфли купили вместе месяц назад, он в них даже толком потанцевать-то не успел».

Кира вытащила ботинки, перевернула их и обнаружила и на втором каблуке то же самое. Да и вес... легкие, на мягкой кожаной подошве туфли заметно оттянули руку. Она поддела ногтем набойку и обомлела. В каблуке что-то лежало. Полиэтиленовый пакетик, туго набитый чем-то и перемотанный синей изолентой. Во втором каблуке обнаружился еще один, похожий на первый как брат-близнец. Руки девушки задрожали, ботинки упали на пол, громко стукнув и заставив Киру вздрогнуть и оглянуться. К счастью, в зале гремела музыка – у Аллы работала пара. Переведя дух, Кира затолкала туфли обратно в карман, застегнула кофр и задумалась. «Что мне теперь делать с этой находкой? В милицию отнести? Меня же и обвинят...»

Выходило, что, кроме Вадима, поговорить об этом ей не с кем. Она набрала номер телефона, и голос Вадима прозвучал почти сразу:

– Что, Кирилка? Тебя можно забирать?

– Вадик... если можешь, приезжай срочно... у меня тут такое... – зашептала она, прикрыв трубку ладонью. – Я очень боюсь, Вадик...

– Так, стоп! Сиди в клубе и не выходи, мы будем через десять минут, тут совсем недалеко.

Вадим с охранниками находился в реабилитационном центре, куда продолжал ездить по настоянию отца. Тот считал, что общение с психологом идет сыну на пользу, хотя сам Вадим уже давно не нуждался ни в чьих советах и помощи.

Минуты показались ей вечностью, Кира мерила шагами раздевалку и нервно покусывала костяшки пальцев. Когда в дверях показался охранник Саша, она едва сдержала радостный вопль.

– Готовы? Идемте, там Вадим в машине.

Саша забросил на плечо ремень кофра и протянул Кире руку. Так, за ручку, как первокурсники, они и дошли до машины. Вадим обеспокоенно заглянул Кире в лицо и тихо спросил:

– Что случилось? Ты бледная...

Кира обхватила его руками за шею и на ухо зашептала о своей находке. Вадим внимательно ее выслушал, потом прижал к себе и неожиданно поцеловал. Кира опешила:

– Вадик... ты что?!

– Ничего. Захотелось. И вообще – хватит уже прикидываться. Я ведь люблю тебя – неужели ты не видишь?

Кира молчала. Разумеется, она все видела. Видела давно... более того – сама она тоже часто ловила себя на мысли, что испытывает к Вадиму не совсем партнерские чувства. Ее не пугало его увечье – она просто не замечала порой, забывала о том, что у него нет ног – настолько полноценным человеком он был.

– Вижу... давно все вижу, Вадик...

– И? – требовательно спросил он, взяв ее за руки.

– И я...

Николай Иванович задумчиво рассматривал лежавшие перед ним на столе танцевальные туфли со вскрытыми каблуками. Он смотрел на них так долго и пристально, что у него в глазах стало двоиться. Внезапно он расхохотался.

– Это же надо... – вытирая заслезившиеся от смеха глаза, пробормотал он. – Как все просто оказалось... Пацан не дурак, ох не дурак... Обвел всех вокруг пальца. Даже жалко, что он погиб, – закулив трубку, Николай Иванович потянулся к телефону. – Алло, Дантист? Ну привезут тебе сейчас мои парни твой товар. Да, тот самый. Девчонка нашла. И дорогу к моему дому забудь, не хочу, чтобы она тебя здесь видела. Все, до связи.

Эпилог

Кира и Вадим успешно выступили в конкурсе по бальным танцам для инвалидов-колясочников, заняв третье место. Их румба имела оглушительный успех у зрителей. Кира исполнила ту самую «дорожку», которая оборвала жизнь Стаса, – это было ее прощание с партнером.

Через два месяца они с Вадимом поженились. А через год Николай Иванович был арестован по обвинению в организации преступной группы и торговле наркотиками. Своего внука он увидит не скоро.

Шрам

Мой ангел-хранитель либо вечно пьян, либо просто впал в кому. Иначе как, как он мог допустить такое? Как мог не увидеть, не угадать, не предотвратить? Почему так случилось? Хотя... ведь я жива – а это значит, что мой ангел все же оказался в нужном месте в нужное время. Но вот честное слово, я с удовольствием поменялась бы местами с мамой или с мужем. А еще лучше – с обоими сразу...

Я просыпаюсь от собственного крика и боли в голове. Даже не понимаю, что сильнее – страх, вырвавший меня из объятий сна, или боль, раздирающая виски. Оглядываю комнату и понимаю – нет, ничего не изменилось: та же пыль, те же разбросанные вещи, те же пустые кофейные чашки. Ничего не поменялось, все точно так же, как вчера, позавчера, неделю назад, месяц... Сегодня ровно сорок дней, и мне пора бы встать и начать собираться – скоро приедет Инка, моя единственная подруга, и мы поедem на кладбище.

Я бреду к зеркалу. Тоже без изменений – всклоченные волосы, синяки под глазами, правая бровь сбрита – там свежий шрам, тонкий, едва затянувшийся розовой кожей. Это единственное, что осталось у меня на память об аварии. У меня – шрам, а мамы и Олега больше нет.

Инка ворвалась как сквозняк, принесла с собой свежесть июльского утра, букет тигровых лилий и аромат «Armani Diamonds». Даже такую обыденную процедуру, как свое появление где-либо, Инка умеет превратить в карнавальное шествие или мини-спектакль. Инка – актриса нашего местного театра, «прима», по здешним меркам. Красивая, яркая, рыжеволосая, с идеальным макияжем и прической, моя подруга везде и всюду привыкла быть королевой. Правда, личная жизнь не складывается – мужчины, привлеченные броской Инкиной внешностью, как бабочки – огнем лампы на вечерней веранде, очень быстро понимают, что не смогут справиться с темпераментом и запросами капризной красотки. В результате Инка в свои тридцать все еще одна.

– Ника, ну что ты? Еще не готова? – восклицает она, оглядывая мой халат и тапочки.

Я понуро бреду в ванную, предложив Инке самой сварить себе кофе. Моя подруга – единственный, пожалуй, человек, который никак не хочет признавать имя, которым меня с маминой подачи называют абсолютно все. Для окружающих я – Ньюша, хотя полное мое имя, как ни странно, Вероника. Но мама с самого рождения звала меня только Ньюшей, а вслед за ней и друзья, и муж. Только для Инки я Ника с первых дней знакомства – я думаю, просто из чувства протеста.

– Ник, ты бы поторопилась! – снова напомнила Инка из кухни, и я со вздохом встала под душ.

– Долго ты собираешься себя гробить? – поинтересовалась она позже, когда мы пили кофе и ели хрустящие гренки с абрикосовым джемом – все это проворная подружка успела изобразить за время моего утреннего туалета.

– Гробить? – машинально переспросила я, вяло помешивая ложечкой коричневую жидкость в фарфоровой чашке. Сама я никогда не пью из них кофе по утрам, но Инка настойчиво достает этот сервиз из шкафа всякий раз, когда ей доводится хозяйничать на моей кухне. Тяга к прекрасному, знаете ли...

– Гробить, Никуся. Отпуск у тебя закончился, так ты еще без содержания выпросила – может, хватит? Среди людей-то легче будет.

Отпуск, будь он неладен... Именно этот самый отпуск, который я решила провести с мамой и Олегом в нашем местном санатории на лечебных озерах, в один миг лишил меня двух самых родных людей. Если бы я не придумала эту поездку за пятьдесят километров от санатория! К чему мне сдалось это суперсоленое озеро, в которое я из природной безразличности даже ногу бы не окунула?!

Я работаю в салоне красоты администратором, чего-чего, а людей предостаточно, но сейчас я меньше всего нуждаюсь в их обществе – неужели Инка этого не понимает? А она продолжает, держа двумя пальцами гренку и пытаюсь еще и помаду не смазать, откусывая:

– Ника, я все понимаю – Олег был прекрасным человеком, идеальным мужем и все такое. Мама опять же... Ты ведь знаешь – я любила Галину Петровну, очень уважала... Но, Ника, даже они сказали бы тебе то же самое: нельзя сидеть в одиночестве и хоронить себя.

Нет, она все-таки не понимает... Да и как одинокая женщина может понять меня, прожившую с мужем десять лет! Инка никогда не была замужем и не знает, что это такое – лишиться своей половинки.

Однако Инка и сама догадалась, что переборщила, а потому подошла ко мне, обняла и пробормотала куда-то мне в волосы:

– Никусь... ну не надо... пойдем, я помогу тебе собраться.

Она утащила меня в комнату, принялась колдовать над волосами, даже макияж сделала, но я только равнодушно бросила взгляд в зеркало и не выразила никаких эмоций. Да, руки у Инки золотые, из моих длинных тяжелых волос соломенного цвета она ухитрилась соорудить сказочного вида прическу, умело подвела глаза, даже синяки замаскировала так, словно их и в помине нет. Но что с того? Разве двум могильным холмикам не все равно, как я выгляжу?

Инка уже сидела в машине, а я задержалась у могилы Олега, чтобы поправить сползшие венки, когда сзади вдруг услышала мужской голос:

– Так это ты, значит, потерпевшая будешь?

Я разогнулась и резво отскочила за деревянный крест. Передо мною стояли двое мужчин с такими рожами, что создатели голливудских фильмов про монстров зарыдали бы от восторга. Один из незнакомцев, тот, который, наверное, и задал вопрос, оказался маленького роста, но с такими громадными бицепсами, что голова казалась неправдоподобно крошечной. Кожаная куртка едва не лопалась на плечах. Второй, словно в насмешку, оказался худым, высоченным, каким-то белесым, будто вылинявшим. Кошмарная парочка...

– Ну, че молчишь-то? Подавилась чем? – продолжил маленький, и я сглотнула, сделав неопределенное движение головой. – Я спрашиваю – ты, что ли, Мансурова жена?

– Я...

– Понятно. Короче, телка. Никаких судов, никаких исков. Идешь в ментовку и пишешь заяву, что мужик твой был пьян в дрова, а потому сам в джип влетел, усекла?

– Но Олег не был пьян... – пробормотала я.

– Не, ну ты совсем тупая... – расстроено проговорил маленький. – Я ж по-грамотному тебе говорю – делай как велят, и всем счастье будет.

– Ка... какое счастье?

– А такое – сын нашего босса останется на свободе и с правами, а тебе бабла отваяют. Поняла?

– Не поняла...

– Так, Кира, че мы с ней тут возимся? – вдруг вмешался неожиданным басом худой. – Не хочет по-хорошему – будет по-плохому. Босс шутить не станет, Никитка у него – единственный.

Он сплюнул прямо на могилу Олега, дернул второго за рукав, и оба удалились вразвалочку. Я опустилась прямо на землю и завывала от ужаса. Так вот, оказывается, чей джип смял нашу «Тойоту»... То-то мне лицо водителя показалось знакомым! А это не кто иной, как сын нашего мэра, Никита Колчев...

Я вспомнила, что в машине, кроме Колчева, сидели еще человек шесть, хотя это категорически запрещено правилами. Да, точно – оттуда ведь вывалила целая ватага молодых людей, и еще две девушки в символических шортиках и купальниках-бикини. Теперь понятно. Ника-

кого уголовного дела не будет, никого не накажут, а виновным признают моего мужа. Ну да – с мертвого какой спрос...

– Ника, ты чего тут? – голос Инки вернул меня к действительности, я подняла заплаканное лицо, и подруга присвистнула: – Ого! Опять ревела?

Я не ответила, поднялась, забросала землей плевков на могиле Олега и, не глядя на Инку, пошла к машине.

Подруга догнала меня уже у выхода с кладбища, схватила за руку, развернула к себе:

– Ника! На тебе лица нет, что произошло?

Я поколебалась несколько мгновений и решилась. Все равно больше мне надеяться не на кого. Инка выслушала молча, прищурила глаза и вдруг заявила:

– А вот уж фиг!

– В каком смысле?

– В прямом. Чего ради этот молокосос должен безнаказанно ездить на своем джипе, а твой Олег – лежать в земле?! – раздула ноздри Инка, становясь в гнев ослепительно хороша. – Короче, Ника. Есть у меня один знакомый... словом, он... как бы тебе покультурнее, а то еще в обморок упадешь...

– Инна, ты не могла бы не трепать мне нервы? – устало попросила я, и Инка решилась:

– Он бандит, дорогуша. Да-да, не таращи глазенки, настоящий бандит, отсидел больше, чем ты прожила.

– Это, выходит, ему лет семьдесят? – У меня, как всегда в критических ситуациях, случился приступ «висельного юмора», но Инка, к счастью, не обиделась.

– Садись в машину, едем к нему, – решительно сказала она, и я вконец опешила:

– Ты в уме? Хочешь сказать – мы вот так, за здорово живешь, прикатим в гости к бандиту?

Инка смерила меня с ног до головы презрительным взглядом, покрутила у виска пальцем и уселась за руль. Я поняла – дальше разговор она продолжит только в машине, а потому села на переднее сиденье.

Водит Инка кошмарно, я всякий раз вспоминаю все известные молитвы, если вдруг приходится оказаться в машине подруги. Как она ухитрилась ни разу не попасть даже в мелкую аварию, оставалось полной загадкой.

Я задремала, как обычно после эмоциональной перегрузки, а открыв глаза, увидела высокий кирпичный забор. Инка курила, открыв дверцу машины. Услышав, что я зашевелилась, подруга повернулась и, улыбаясь, проговорила:

– Отдохнула, Никочка? Так спала, как ребенок, даже жаль было будить. Мы тут минут тридцать сидим, под воротами, уже и сам Михась выходил, а ты все спишь и спишь.

– Михась? Кто это? – потягиваясь, поинтересовалась я, а Инка, выбросив окурков, пояснила:

– Тот самый человек, к которому мы с тобой ехали. Идем, Ника, он очень занят, спасибо, что нашел для нас время.

Что-то подсказало мне, что подобные одолжения Инке загадочный Михась делал частенько – уж больно уверенно и почти по-хозяйски моя подруга поплыла в сторону огромного дома по мощенному брусчаткой двору. Я покорно брела следом, хотя на самом деле больше всего на свете мне хотелось оказаться дома, в постели. Лечь и уснуть – тогда собственная жизнь не будет казаться такой ужасной.

– Ты посмотри, какие лилии, – остановилась возле огромной поляны Инка, и я по инерции воткнулась ей в спину. – Ника, осторожнее, что ты как сомнамбула какая-то, – зашипела подруга, прыгая на одной ноге и поправляя ремешок босоножки, соскользнувший с пятки.

Лилии в самом деле оказались удивительно красивые – огромные белые, желтые, оранжевые цветы с аккуратной «тигровой» разметкой узких длинных лепестков. Они изумительно

пахли, над ними с гудением кружились шмели, а вокруг каждого куста были высажены тонкие кустики спаржи – получались живые букеты.

Я постояла пару минут, вдыхая дурманы́щий аромат, и вспомнила, что моя мама на своей маленькой дачке выращивала почти такие же лилии, особенно любила желтые... Слезы непроизвольно покатились из глаз, и Инка зашипела:

– Ника, ну хватит! Сколько можно реветь?

Я виновато отвернулась и попыталась вытереть глаза, но Инка решительно вернула меня в прежнее положение и достала из сумочки влажные салфетки:

– Что ты за размазня такая, Никуся? Слезами горю не поможешь, тут не плакать нужно, а быстро и решительно действовать! – Она говорила, а руки проворно поправляли остатки макияжа, пока еще не смытые слезами.

– Как прикажешь действовать? Пойти к мэру и попросить, чтобы эти уроды отстали от меня? И он согласится, конечно, и сына своего в тюрьму упрячет – чтобы, не дай бог, мой голос на выборах не потерять!

Инка прищурила глаз, критически осматривая свою работу, и проговорила насмешливо:

– Юмористка, да? Думаешь, смешно, да?

– Нет. Абсолютно не смешно. Только больше ничего мне в голову не приходит, я теперь домой ехать боюсь – вдруг меня там эти двое ждут? – Меня передернуло при мысли о возможной встрече с кладбищенскими незнакомцами.

– Вот поэтому мы с тобой сюда и приехали, – Инка бросила салфетку в кованую урну возле крыльца и со всей решительностью потянула меня в дом.

Нас встретила женщина средних лет, с аккуратной гладкой прической, в темно-синем брючном костюме, поверх которого был повязан белый передник. Я, как ни была расстроена и напугана, все же не смогла не отметить про себя, что хозяин дома явно насмотрелся каких-то фильмов из жизни аристократов. В углах просторной прихожей высились две статуи – Аполлона и Венеры. Люстру впору было вешать в фойе нашего театра, а паркет темного дерева был натерт до ослепительного блеска. Во всем чувствовалась роскошь – но не помпезная и вычурная, а тонкая и уместная. «Надо же... Интересно, он сам это подбирал или дизайнера нанял?» – думала я, следуя за Инкой и встретившей нас женщиной по широкой лестнице на второй этаж.

Комната, в которую мы вошли, оказалась вытянутым кабинетом с огромным столом, книжными шкафами по обе стороны двери и большими напольными часами в простенке между окнами. В большой нише, огороженной шкафами, располагались диван, два кресла и небольшой журнальный столик с кальяном. Хозяин кабинета стоял на стремянке у одного из книжных шкафов и перелистывал, едва удерживая в руках, толстый том в кожаном переплете.

– Проходите, я сейчас, – отрывисто бросил он густым басом, и я удивилась – внешность мужчины не предполагала такого голоса. Был он явно невысок, но хорошо сложен. Светлые волосы, стриженные коротко, открывали породистый лоб. Маленькие и изящные руки и ноги. Словом, раскатистый бас звучал диссонансом.

Он легко спустился со стремянки, зажав под мышкой фолиант, и подошел к нам. Инка преобразилась, засияла, явно включив все свои актерские способности, а мужчина, чуть улыбувшись, небрежно поцеловал ее в щеку:

– Здравствуй, Инуля. Прекрасно выглядишь.

– Спасибо, Михась, – прожурчала та бархатным голосом. – Познакомься, пожалуйста...

– Я и так понял. Это и есть твоя подруга Ника, у которой проблемы? – Он перевел на меня цепкий взгляд прозрачно-серых глаз, несколько секунд изучал мое лицо, и я смутилась.

– Да, это она. – Инка делала мне из-за плеча Михасы страшные глаза, призывая мобилизоваться, но я никак не могла совладать с неприятным ощущением, будто меня прилюдно раздели.

– Странная подружка у тебя, Инуля, – изрек Михась, закончив рассматривать меня. – Не думал, что такие еще водятся.

Меня как кипятком обдали, я повернулась, чтобы уйти, но крепкая рука ухватила меня за локоть и вернула на прежнее место.

– А нервная такая чего? Хоть бы дослушала, – с усмешкой проговорил Михась, не отпуская меня. – Глаза у тебя несчастные, девочка. Горе в них. А душа светлая.

– А вы и душу рассмотрели? Через глаза? – выдавила я, не обращая внимания на Инкину жестикуляцию, которая уже стала напоминать движения матроса, подающего сигнал SOS.

– А ее и так видно, – ничуть не рассердился Михась. – Добрая ты и чистая.

«Прямо психолог!» – Слова этого человека почему-то ужасно разозлили, показались неискренними и фальшивыми, театральными. Только вот роль свою он исполнял, на мой взгляд, совсем плохо, хуже последнего статиста в труппе Инкиного театра. Михась, словно ничего не замечая, подтолкнул меня к креслу, а сам расположился напротив, небрежным кивком указав Инке место на кожаном диване. Потянулся за кальяном, предложил мне, но я затрясла головой, отказываясь, и тогда хозяин кабинета сам задумчиво приложился к мундштуку губами. По комнате поплыл сладковатый персиковый аромат.

– Рассказывай, – после паузы произнес Михась.

Я, сбиваясь и перескакивая с одного на другое, выложила историю с аварией, добавив то, что сегодня услышала на кладбище. Михась не перебивал, слушал внимательно, изредка потягивая кальян. Инка, скрестив длинные красивые ноги, напряженно перебежала глазами с меня на моего собеседника, и я вдруг почувствовала, что подруга... ревнует. Открытие неприятно поразило меня – как она может, зная, что со мной произошло, думать о том, что я вдруг проявлю интерес – к бандиту!

Михась задумался ненадолго, потом изрек, глядя на меня в упор:

– Я понял твою проблему. Езжай домой и ничего не бойся. С тобой ничего не случится. Скажи только – а ты не в курсе, кто-то снимал на месте аварии? Ну, менты снимали что-то?

– Кажется, да... – Но в моем голосе не было уверенности – я не очень хорошо помнила мелочи, в тот момент мне было не до наблюдения за действиями посторонних.

– Хорошо, разберемся. Оставь мне номер мобильного.

Я послушно написала свой телефон на протянутом листке и встала, вопросительно глянув на Инку. Та сидела не шелохнувшись. Я почувствовала неловкость – похоже, моя подруга планировала остаться здесь, а это значило, что мне придется выбираться из совершенно незнакомого поселка самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.